

НАШИ ТАМ

НИКОЛАЙ
СТАРИНЩИКОВ

ЦИФРЫ НАЦИИ

Наши там (Центрполиграф)

Николай Старинщиков

Цифры нации

«Центрполиграф»

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Старинщиков Н. А.

Цифры нации / Н. А. Старинщиков — «Центрполиграф»,
2020 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-09227-4

Конец нынешнего века. Государство на грани банкротства. Вместо жен и мужей – электронные дяди и тети легкого поведения. Общество деградирует. Хакер Кошкин живет с электронной Марией, он купил ее в одном из магазинов. Данная ситуация не устраивает его мать. Она мечтает о внуках, просит сына избавиться от «железяки». Но та не лыком шита, она заявляет, что любит Кошкина и подчинится только ему.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-09227-4

© Старинщиков Н. А., 2020
© Центрполиграф, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	21
Глава 5	29
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	40
Глава 9	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Николай Александрович Старинщиков

Цифры нации

Любое совпадение имен, фамилий, мест и названий является случайным.

© Старинщиков Н.А., 2020

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2020

© «Центрполиграф», 2020

Глава 1

Студень в тумане

Однажды в Симбирске, под вечер, в конце сухого жаркого лета, на громадном речном косогоре под гордым названием Венец встретились два гражданина. Они поздоровались и пошли в сторону ресторанчика, расположенного среди аллеи, однако в него не вошли, а сели на скамейку под липой. Один из них, давно небритый, косматый и черный, был одет в тонкие мятые серые брюки, футболку и плетеные туфли. Этот косматый отзывался на фамилию Петухов и смахивал на лицо без определенных занятий. Другой, сухой и коротко стриженный, был в шортах, кроссовках и тонкой светлой фуражке. Это был Римов.

– Ну и жара, – удивлялся Петухов, глядя с горы на великую реку. – Кажется, так и прыгнул бы в воду, если б не проклятые наши дела... – Он огляделся по сторонам. – Итак, что мы конкретно имеем?

– Идем ко дну, – сказал Римов. Он был не кто иной, как начальник местной полиции, назначенный Центром. Петухов же был представителем этого самого Центра, расположенного в Москве.

– Надо решать... – говорил Римов. – Иначе будет поздно. Один я не в состоянии...

– Действительно. Ревизионная комиссия... Ревизуют сидят... Отчеты потом составляют...

– В виде уголовных дел, замечу...

– Это же нонсенс!

– Здесь свои особенности, – напомнил Римов. – У нас автономия – и это факт, от него нам не отвертеться.

Приезжий куратор не верил ушам. Понятно, что существует, допустим, некая автономия, но чтобы в таком виде – это уж слишком!

Тем временем, словно ниоткуда, образовался на пустынной дорожке белобрысый мужик. Он подошел к беседующим и наглым образом присел между ними – словно других свободных скамеек не было! Потом вынул из кармана сигарету, чиркнул спичкой и по-хамски обдал обоих табачным дымом.

Римов хотел было сказать наглецу, что подобное поведение не только недопустимо, но чревато штрафом, однако не успел, потому что с другой стороны аллеи к ним подошел еще один тип, высокий, похожий на оглоблю, присел сбоку и тоже закурил, обдав противным запахом. Запахи эти тут же смешались, так что у Римова с Петуховым засвербело в носу.

Потом все было как в тумане. Римов сидел на скамье и не мог шевельнуться. Кругом было дымно, раздавались удары молотка, и кто-то истошно орал. Вероятно, это был Петухов. А когда дым рассеялся, комиссар увидел прислоненный к дереву массивный деревянный крест с распятым на нем Петуховым.

Римов бросился к куратору – тот оказался прибит гвоздями и стонал от боли. Спасало одно: под ногами у Петухова была приколочена перекладина, и бедный куратор опирался на нее.

Римов выхватил из кармана рацию, нажал кнопку и произнес:

– Пора...

Вскоре у него за спиной остановилась полицейская машина. Из нее выскочили люди и принялись освобождать Петухова. Следом прибыла бригада МЧС. Крест с Петуховым теперь лежал на земле. Визжала пила, металл брызгал искрами, орал несчастный куратор, пахло горелой человечинной.

После того как отпилили шляпки гвоздей и остудили металл водой из бутылки, Петухова сняли с креста, уложили на носилки, сунули в подошедшую «скорую» и, ревя сиреной, увезли в госпиталь ветеранов.

Римову с полицейскими надлежало осмотреть место происшествия. Остальные силы полицейского управления были брошены на прочесывание местности и перекрытие автодорог. Римов подошел к кресту и стал его осматривать, с трудом соображая. При нем распяли московского начальника, действующего скрытно. На его месте мог оказаться он сам, но выбрали именно Петухова.

Римов огляделся по сторонам и вдруг понял, что вокруг опять натягивает туманом. И в этом тумане снова образовался длинный незнакомец, а полицейские как-то странно рассосались в воздухе. Длинный приблизился и заговорил, не раскрывая рта:

– Хочу заметить, что ваши доводы основаны на ложных представлениях. У нас замечательное правительство, у нас отличные спецслужбы...

Потом этот длинный развернулся и направился в сторону ресторана. Римов стоял у креста и смотрел ему вслед.

– Взять гада! – встрепенулся он.

Однако никто Римова не услышал, зато из ресторана вышла группа парней с поленьями в руках и устремила в сторону Римова.

Он прыгнул к липе, спрятался за нее, дернул из кармана крохотный пистолет. Молодняк с полешками был рядом, когда полыхнула огненная струя. Парни бросились врассыпную, однако повсюду их настигало тонкое жало струи и валяло с ног. Впрочем, длинному струя не повредила. Как ни старался Римов, тот ускользал от нее, а потом и вовсе растаял в воздухе.

Римов обернулся и снова увидел Петухова. Тот лежал в скрюченной позе, держа в руке старинный ржавый костыль. На затылке у него обозначилась громадная опухоль.

– Но как же?! – Римов не верил глазам. – Я же тебя отправил!..

– Тебе показалось... Докладывай...

– Мне кажется, я их видел где-то, – вспоминал Римов. – Дрожали оба. Как студень... Потом растворились.

– Понятно, – хрипел Петухов. – Длинный. Студень... Центр тебе поможет. Я пришлю тебе парочку... Это такая против нас технология... – И он потерял сознание.

Глава 2

Проповедь на голодный желудок

Молодой человек по фамилии Кошкин опять весь день провел у себя дома, работая за компьютером. За окном вечерело, а он торчал за столом, стараясь забросить виртуальную удочку в запретный чужой водоем. Но бесстрастный компьютерный голос неустанно возвращал его к трезвой реальности:

«У вас нет доступа к банку данных... У вас нет...»

Кошкин надеялся, что после введения нового кода заветные ворота непременно откроются, но подлый шифр постоянно ускользал от него, так что не было никакой возможности за него уцепиться.

Кошкин был парень хоть куда: стройный, высокий, кареглазый. Один был у него недостаток: возраст подходил к сорока, а юноша был пока что неженатый.

Человек под конец отодвинулся от стола, потянулся, хрустнув суставами. И вдруг подумал, что надо бы бросить эту затею и наслаждаться достигнутым – ездить на пикники, навещать друзей. Либо уехать на дачу, потому что зарабатывать деньги с помощью компьютера можно и там.

Его рассуждения прервал шорох за дверью. В кабинет тихо вошла стройная белокурая девушка лет двадцати.

– Ужинать будешь, дорогой? – спросила она, сверкнув малахитовыми глазами.

– Что за вопрос, Машка?! – удивился Кошкин. – Я же человек... В отличие от тебя...

– Вот я и спрашиваю, – сказала девушка.

Она подошла к Кошкину, присела к нему на колени и стала целовать в губы, щеки и лоб. Со знанием дела. От нее пахло женщиной – желанной, доступной и близкой, так что Кошкин отключился от недавних забот. Голова у него теперь была занята другим. От нетерпения он шевельнулся в кресле. Но девушка не торопила события.

– На сегодня у нас котлеты из филе индейки... – сказала она. – С овощами и куриным желтком. Готовится очень быстро...

– Понятно-понятно, – ерзал в кресле Кошкин. – Но сначала секс... Потом душ, потом ужин...

– Но, может, сначала котлеты, а потом... – рассуждала девушка.

– Ты издеваешься?

– Ты же работаешь... Поэтому желательно закусить, прежде чем...

Но Кошкин не дал ей договорить:

– Бегом! В постель! Я за тобой, Мария...

И та покорно поднялась и пошла из кабинета. У двери она остановилась, обернулась и ласково проговорила:

– Милый, я могла бы тебе помочь. Я вся твоя от ворот магазина...

Выйдя из кабинета, она скользнула в соседнюю комнату, освободилась от платья, сняла трусики, затем нырнула в постель и накрылась тонким одеялом. Именно такое прозрачное одеяло почему-то любил Кошкин.

А вот и он. Вошел. Сбросил с себя одежду и прыгнул в кровать, угодив Машке как раз куда надо – в скользкий и трепетный мир. Машка божественно всхлипнула и стала под ним шевелиться, ритмично работая задом. А когда все закончилось, стала его донимать:

– Милый, ты доволен мной? Ну, скажи... Не томи...

Он пока что молчал, вспоминая слова: «Могу помочь... Я вся твоя от ворот магазина...» Откуда в железной головушке подобные мысли? Однако надо было ответить, и он сказал, что

все было на уровне. В этом и заключался алгоритм их отношений, в противном случае Машка осталась бы в постели, исходя слезами до посинения. Такова была ее природа, которую Кошкин, будучи неплохим программистом, так и не смог перестроить на собственный лад.

Он поднялся из постели и отправился в ванную, потому что лежать раздетым теперь не было смысла. Он встал под воду и, не торопясь, ополоснулся. А когда вышел из ванной, то оказалось, что Машка не только приняла душ, но даже накрыла на стол.

Она вновь подступила к нему:

– Забыла спросить, как твои успехи? Есть подвижки?

– Тебе-то какое дело?

– Я всего лишь спросила...

– Спросила она... Пишу помаленьку.

– Писатель ты мой, – усмехнулась Машка.

– Зато ты у нас богиня любви.

– Да, я богиня...

Может, они так и зубатились бы, забыв об ужине. Но в кабинете громко запел телефон.

– Кошкин слушает... – сказал Кошкин, оставаясь на месте. В голове у него теперь звучал голос матери, в то время как в кабинете телефон замолчал.

– Гони прохиндейку, пока не поздно, – гудел в голове материн голос. – Избавься от железки...

– Послушай, – запыхтел в ответ Кошкин, – она мне почти что жена...

– А ты мой единственный сын, Володенька, – говорила мать. – У тебя не будет от нее детей...

Молодой человек замолчал. Мать была абсолютно права.

– Неужели тебе непонятно? – продолжала Софья Степановна. – У нее железные мозги, а мне хочется внуков, Володенька. Но если ты не можешь решить проблему, то я сама за тебя решу – вот увидишь... Налажу ее из квартиры...

– Ты не можешь этого сделать! – опомнился сын. – Не имеешь права!

Но мать стояла на своем.

– Знаешь, к чему это приведет? – спросила она и сама же ответила: – Ты будешь старый, больной, ни на что не способный дед, к которому никто не придет... Потому что меня к тому времени не будет...

– Пойду прогуляюсь, – оборвал ее Кошкин. – Опять ты за старое...

Он щелкнул зубами, и голос матери оборвался. Эти звонки – сущее наказание, причем в самый неподходящий момент. Кошкин подошел к шкафу и стал одеваться. Надел серые летние брюки, светло-зеленую рубаху и двинулся в прихожую, где у него была тумба для обуви.

– Ужинать, Володенька! – спохватилась Машка. – Ты же голоден, дорогой...

– Обойдусь...

– Действительно... Какой уж тут аппетит... – в тон ему согласилась Машка.

Кошкин обулся, вышел из квартиры и вскоре побрел по кособокому вдоль чугунного парапета. Здесь всюду гулял ветер, серая река далеко внизу пенилась в бурунах. Потом он повернул в сторону площади Независимости, с трудом соображая, для чего туда идет. Группа быстрых моноциклистов обогнала его и ушла на перекрестке за угол дома. Возле супермаркета длинноногая, тонкая и гибкая женская фигура, затянутая в ослепительно-белое трико, крутилась высоко в воздухе на трапециях. Она плавно взлетала вверх к концам стальных мачт, мягко и точно подтягивалась на трапеции, а потом, раскачав ее, срывалась вниз головой, успев ухватиться стопами за перекладину. Потом она снова повторяла упражнение в нарастающем темпе. Она старалась изо всех сил, однако прохожие не обращали на нее внимания, потому что дама-андроид висела в этом месте давно и порядком надоела.

Чуть поодаль, в тесном загоне из обглоданных жердей, стоял в полудреме сухопарый козел со сплюснутыми рогами и длинной бородой. Через ограждение к козлу тянулся с микрофоном мужик в футболке.

– Как вы относитесь к нашему правительству? – спрашивал он у козла.

Козел встряхивал рогами, водил мутными глазами по сторонам.

– А к его председателю?

Козел вертел головой, гортанно орал, затем, уловив момент, вскакивал на забор и под хохот зевак плевал в лицо репортеру. Другой мужик снимал репортаж на видеокамеру.

Из супермаркета вышел человек в папахе, навстречу ему, бряцая амуницией, шагали казаки с шашками в ножнах.

– У тебя шляпа из горного козла или степного? – прилип один из них к человеку в папахе. Казаки были явно под мухой и никуда не спешили.

– Не простого козла, а козла-скалолаза, – ответил степенно владелец папахи.

– У-у-у, – загудели казаки. – А где добыл?

Далее Кошкин не расслышал. Он повернул за угол здания и снова наткнулся на группу моноциклистов, один из которых теперь лежал плашмя на асфальте. Над ним склонился полицейский и снимал его на видео. Одноколесное средство передвижения валялось рядом. В асфальте виднелось углубление с металлической решеткой – это углубление, вероятно, и стало причиной падения. Еще двое полицейских стояли поодаль, возле служебной машины.

– Понастроили тут, – ворчал моноциклист. – Я взыщу с этих гадов... Они у меня попляшут.

– Город не виноват, – произнес полисмен. – Данное углубление является допустимым... Вы превысили разрешенную скорость движения...

– Ну, ты загнул, бедняга... – Моноциклист поднялся. – Углубление, говоришь? Для одного колеса?

Кошкин не стал дожидаться, чем закончится дело. Он шагал теперь в сторону одинокой колонны – на ней возвышалась каменная женщина. Это был памятник Победе, случившейся очень давно. У женщины на голове был каменный венчик. Правой рукой она указывала в сторону проспекта. Каменное платье облегалo стройные ноги, под которыми, у основания колонны, толпился народ и гремел мужской голос.

Кошкин направился в ту сторону. Оратор, стоя на ступенях колонны, кричал в мегафон. Говорил он, между прочим, о близком конце света и просил народ опомниться.

Владимир пробрался ближе к колонне. Оратором оказался бородатый мужик в пятнистой одежде и военных ботинках. Рядом с ним стояла девушка лет двадцати-тридцати – на ней была точно такая же куртка, с пятнами, а также ботинки с заправленными в них брюками. За спиной у обоих висели рюкзаки.

– Разве же это общество?! – говорил мужик. – Это сплошной дом терпимости! Это говорю вам я – Пульсар, пришедший из леса! Со мной моя дочь Екатерина, она выросла в лесу, не зная вашего мира!

Народ с любопытством слушал Пульсара.

– Вы забыли, для чего приходил к нам Господь! Он пришел сохранить старые принципы, построенные на равенстве! Он говорил нам о том, что закон Моисея забыт! Что изменилось с тех пор?! А я вам скажу! Вам насадили закон «О защите толерантности». Но это закон для избранных, поскольку одних он угнетает, вторых превозносит до небес, включая андроидов...

Мужик опустил микрофон, обвел взглядом толпу. Народ оглядывался по сторонам, соображая. Человек из леса мог быть кем угодно, в том числе провокатором.

– Зато у нас, – сказала дама в джинсах, – восстановлен язык прошлого века. Мы говорим точно так, как говорили наши предки...

– Именно! – воскликнул мужик лет пятидесяти. – Благодаря закону мы помним Даля, Толстого и Чехова...

Однако эти доводы не сбили с толку Пульсара.

– У тебя есть дома андроид?! – спросил он в микрофон, бегая глазами поверх толпы. И добавил: – Для сексуальных услуг?!

– Ну, допустим... – ответил ему оппонент. – С кем хочю – с тем и сплю...

– Я тебя поздравляю! Ты умрешь под забором! Потому что никто не подаст тебе кружку воды! У тебя не будет детей, уважаемый!

– И что ты предлагаешь?

– Подумай! Всего лишь подумай, куда ведет такая политика! Таким, как ты, скоро не будет места...

Однако продолжить оратору не дали. Из толпы выдвинулись двое верзил в штатском, подняли говоруна за предплечья и понесли со ступеней к асфальту. Пульсар, работая ногами, пытался шагать, хотя ноги не доставали пола. Получилось подобие бега в состоянии невесомости. В толпе возник хохот. Пульсара опустили на пол, затем повалили, он стал извиваться, пытаясь вырваться из цепких и сильных рук. Один из полицейских предъявил ему удостоверение в виде круглого белого жетона с цифрами и стал говорить о правах задержанного.

– Уважаемый Пульсар, – бормотал полицейский, – ты имеешь право знать, в чем обвиняешься, иметь защитника в административном процессе. Защитник может предоставить твои интересы в суде, а ты лично можешь извиниться перед судом за допущенное нарушение. Кроме того, учитывая доказанность деяния и неотвратимость наказания, ты имеешь право на свое освобождение по месту своего задержания, прямо здесь, при условии выплаты административного штрафа в сумме полутора средних месячных единиц оплаты труда. Норма нарушенного административного права – статья 5-38 «Нарушение законодательства о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании».

– Отпусти! – Пульсар корчился от боли. – Ты сломал мне кости!.. Будь я хакер, от вашей системы ничего не осталось бы! Но я не хакер!.. И даже не программист! Я строитель, который построил машину! Опомнитесь, пока есть время...

Его дочь металась рядом.

– Отпустите его! – просила она, стараясь освободить отца.

Другой полицейский, читавший права, остановил ее тем же манером, ухватившись рукой в запястье. Лицо у девушки исказилось от боли.

– Помимо того, – продолжил полицейский, державший Пульсара, – штраф может за вас уплатить любой уважаемый.

Он обвел взглядом толпу и, остановившись на Кошкине, строго спросил:

– Что? Уважаемый желает внести деньги?

Кошкин удивился до крайности, однако промолчал.

– Что-то не понял я, – продолжил полицейский. – Вы кем им приходитесь – кум, сват?

– Брат, – ответил Кошкин, пугаясь собственных слов.

– Ваш кошелек, – сказал полицейский, протягивая к нему руку. – Прошу ценить наше время и не задерживать. У вас две секунды для размышления... Раз...

– Я уплачу! – опередил его Кошкин, доставая из кармана пластиковую карту.

Полисмен оживился при виде карты, взял ее свободной рукой, сунул себе в карман, затем вынул и возвратил Кошкину. Однако отпускать девушку не спешил. Первый полицейский тоже не торопился.

– Штраф не прошел регистрацию... Надо ждать, уважаемый.

Кошкин на чем свет ругал себя. Прогулялся, называется! Он мог бы тихо смыться, оставив этих двоих один на один с полицейскими. Мог бы, да что-то сдержало его – может быть, слово «машина», которое произнес перед этим задержанный.

Железные клещи наконец разомкнулись, мужик с дочерью оказались на свободе, после чего толпа зевак моментально схлынула вместе с полицейскими.

– Спасибо тебе, добрый человек, – сказал Пульсар, тряся бородой. – Ты не прошел мимо, остановился...

Слово за слово, они разговорились и тихонько пошли втроем от площади. Бородатого звали дядей Федей, по отчеству – Ильич, а девушку – Катенькой. Дядя Федя массировал запястья, проклинал систему и тех, кто ее построил.

– Вначале мы даже думать боялись, – гремел его голос, – что какой-нибудь робот заменит не только, допустим, кассира в банке, но и женщину в кровати, что местное самоуправление докатится до такой вакханалии...

Они подошли к Волжскому косогору и возле чугунной ограды остановились. Кошкин большей частью молчал, с трудом переваривая информацию. Кассир в банке, женщина в кровати... Существо, от которого могут быть дети.

– Так и ушли мы в лес с женой. А потом Аннушка у нас умерла, – рассказывал Федор Ильич, – мы остались с дочкой одни. А вскоре мне зарубили военную пенсию. Они сказали, что такого человека не существует. Меня нет. И дочки моей тоже нет, хотя она была рядом со мной...

– Такого не может быть, – не верил Кошкин.

– Еще как может! Это лишь видимость, что я есть! – утверждал мужик. – Вначале я тоже не поверил, правду пошел искать...

– Но есть же федеральный центр, – напомнил Кошкин.

– У центра свои проблемы.

Мужик пристально посмотрел Кошкину в глаза, потом отвел взгляд и продолжил, глядя в заречную даль:

– Дело даже не во мне. И не в центре. Дело в этой вот городской агломерации... – Он ткнул пальцем в заросли крапивы под косогором. – В этой вот компактности... Ей отведено не так много времени. Будь я хакер, можно было на что-то надеяться. Катенька не даст мне соврать. Скажи, Катя...

Дочь вскинула к небу глаза, тяжело выдохнула и промолчала.

– Что ты думаешь об этом? – настаивал отец.

– Мы помрем с голоду, – ответила она. – Это я точно знаю.

Она вдруг стала часто моргать, достала из кармана платок, приложила к лицу и затем отвернулась. Отец тронул ее за плечи. Дочь обернулась к нему и продолжила:

– Агломерация, говоришь?

– Ну да...

– Я сыта ею по горло за эти три дня. Мы уйдем в лес и не вернемся сюда никогда.

– Понятно, Катенька... Но мы обязаны... Нам не добраться назад...

Кошкин стоял в растерянности. Не добраться – значит погибнуть. Может быть, этой же ночью, нарвавшись на волчью стаю, о которой недавно писали в Сети.

Тем временем солнце садилось все ниже, от городских строений тянулись под гору громадные длинные тени.

– Я бы не советовал ехать в ночь, – сказал Кошкин.

Взгляд у него скользнул по груди девушки. Потом застрял у нее на шее – там, где билась едва заметная жилка. Кошкин давно мог быть дома, потому что ничто его не связывало с этими людьми, но жилка под тонкой кожей теперь не отпускала его. Она просила решения быстрого и точного. Как тот пароль, который не давался в последнее время.

– Обещали похолодание, – продолжил он. И тут же добавил: – Вы можете заночевать у меня.

– Мы и так вам обязаны, – оживился Федор Ильич.

От напряженного разговора Кошкина слегка лихорадило.

– У нас есть где жить, – сказала девушка. – У нас дом в лесу. Пусть живут себе. Видит бог, мы пытались, но нам не дали вразумить эти головы.

– Назад... К природе... – согласился с нею отец. – Будем собирать там грибы...

В наступающих сумерках, шагая вдоль чугунного ограждения, они подошли к двухэтажному кирпичному дому.

– Вот и жилище мое, – сказал Кошкин.

Он взялся за ручку двери, собираясь пропустить впереди себя новых знакомых, как услышал за спиной шорох автомобильных шин. На углу бокового проезда остановилась машина со световым маяком, за ней еще одна.

– Не двигаться! – прогремело над улицей.

На дорогу из машин выскочило не менее дюжины человек. Яркая желто-зеленая форма на них зловеще светилась. Подобное свечение не сулило ничего хорошего.

– Руки вверх! Я Татьяноха! – раздалось снова.

– Черти тебя принесли...

Кошкин содрогнулся. Татьяноха командовал городской милицией, созданной по решению местного правительства в помощь федеральной полиции. Не успел Кошкин еще что-нибудь сказать, как его ухватили за руки и с хрустом надели наручники.

Пульсара с дочерью прижали к стене и, заведя руки за спину, тоже надевали на них наручники.

– Кто вы?! – орал Федор Ильич. – Я буду жаловаться прокурору! Я пойду к губернатору!

– Пойдешь! – радостно соглашался с ним сухой рыжий мужик в штатском, лет за сорок, в форменном чепчике. Это и был Татьяноха. – Мы тебя обязательно отпустим... Но ты запишись к нему на прием для начала, потом ори...

Он замолчал, отворачиваясь, и в тот же миг, словно бы передумав, вдруг яростно уцепился пальцами в Федину шею. Ноги у Феди при этом подкосились, он сначала как будто повис у стены, а потом повалился боком в асфальт.

– Что вы делаете! – закричала Катя. – Вы не имеете права!

Дальше ей сказать не дали. Один из милиционеров повернул ее лицом к стене, прижал к шее дубинку и так стоял, пока другой из них шарил у девушки по карманам.

– Я женщина! – хрипела Катя. – Это вам не пройдет...

– Да, не пройдет, – тихо и зло соглашался Татьяноха, кося при этом глазами одновременно в разные стороны. Он приблизился к девушке, ухватил ее за плечо и развернул к себе. Затем, уцепившись пальцами в подбородок, проговорил: – Это не пройдет никогда, потому что мы не позволим...

Глава 3

Это не то, что вы думаете

Начальник федеральной полиции Римов Сергей Иванович сидел за столом у себя в управлении на улице Карла Маркса и принимал доклады от группы наружного наблюдения. Услышав про мужика с дочерью, наказанных на месте за самовольный митинг, он оживился и стал спрашивать полицейских о дальнейшей судьбе задержанных, а когда понял, что задержанные были отпущены за ненадобностью, то сильно расстроился – уж больно интересной показалась ему личность этого самого Феди Пульсара. Бродит по городу, орет на каждом углу о правах человека, высказывает недовольство существующим порядком вещей. При этом никому не известно, чего он хочет.

– За него заплатили, – оправдывался высокий полицейский, бывший за старшего во время патрулирования.

– И вы его отпустили... – продолжил за него Римов.

– Мы не могли иначе, Сергей Иванович. Деньги поступили на счет...

Римов сморщил лицо.

– Что-то не так? – спросил старший.

– Надо было доставить обоих сюда и выяснить – кто такие, откуда взялись, с какой целью ведут пропаганду... Можете вы сказать, где они могут сейчас находиться?

– Так точно, – ответил старший, – мы поместили их обоих.

Он вынул из кармана патрульный навигатор, нажал на нем кнопку и подал Римову. Тот взглянул в устройство, отчего брови у него вскинулись кверху.

– Их опять задержали! – воскликнул он. – Татьяна! Ну, зараза!..

– Милиция?! – изумился другой полицейский.

– Ну, сволочь...

Удивляться было чему, поскольку милиция, сформированная не так давно, теперь совала нос во все щели, действуя в противовес федеральной полиции. Руководил милицией Татьяна, прозванный в народе Рыжий Бес. Впрочем, Римов знал его под другой кличкой.

– Надо перехватить его! Быстро!

Римов выпрыгнул из-за стола и помчался по коридору к лестничной площадке. Подчиненные едва поспевали за ним. Выскочив во внутренний двор, он прыгнул в вертолет. Полицейские скакнули следом. Набрав обороты, вертолет поднялся, направился в северную часть города и вскоре завис над газоном возле двухэтажного кирпичного дома.

– Всем оставаться на своих местах! – угрожающе прогремело над домом. – Шаг влево, шаг вправо – считается побег!.. Прыжок на месте – провокация!

Одежда на Татьянохе трепетала от ветра. Форменный чепчик сдуло с головы и несло вдоль улицы. Вертолет, выпустив длинные ноги, присел на землю. Из него высыпало с десятков полицейских в защитных жилетах и касках и окружило группу милиционеров.

– Я начальник милиции, у меня права! – заорал Татьяна.

– А я начальник федеральной полиции, – сказал Римов. – У меня тоже права. И если ты скажешь еще полслова, то я за себя не ручаюсь.

Полицейские за его спиной целились из оружия. Конфликт между силовыми структурами мог обернуться кровопролитием. Высокий полицейский, принимавший участие в первоначальном задержании, подошел к Федору, снял с него наручники, потом освободил Катю, Кошкина и бросил наручники к ногам Татьянохи.

– Я забираю задержанных, – произнес Римов.

– Не имеешь права! – Татьянаoha крутнулся на месте. – Без нас вы никто, потому что не в состоянии...

Дальше он действовал словно в тумане. Пригнувшись, двинулся головой на Римова – по-бычьи, словно собираясь надеть на рога. Однако Сергей Иванович, увернувшись, аккуратно щелкнул его кулаком в челюсть, после чего Татьянаoha окончательно потерял ориентацию: согнувшись, пошел по кругу и упал в траву.

– Нокаут, – сказал один из полицейских.

Подчиненные Татьянохи замерли на месте. Поражение Рыжего Беса случилось для них впервые. Римов обернулся к Федору Ильичу.

– Вам придется с нами проследовать, – сказал он голосом, не терпящим возражений. – У нас к вам вопросы, как ни странно... Это ненадолго. Потом вас доставят назад. Слово офицера...

И, взяв под локоть Катеньку, Сергей Иванович первым шагнул к вертолету. Остальные покорно последовали за ним. Вертолет поднялся над домом, развернулся и пошел, свистя винтом, в обратном направлении.

Пока Римов летел, Татьянаoha добрался до своего кабинета и стал жаловаться по телефону в приемную председателя правительства. Его тут же отослали на другой номер. Набрав его, он говорил о том, кто он такой, какими обладает правами и под конец про то, как его избили во время проведения операции по захвату особо опасных преступников, одним из которых является Кошкин Владимир, замеченный в хакерстве, крэкерстве и в чем-то еще экзотическом. При этом он забыл сказать о причине, по которой получил по зубам.

– Меня назначили не для того, чтобы вот так...

Однако его скулеж никто не хотел слушать, и тогда он решил, что не надо брезговать ничем. Или грудь в крестах, или голова в кустах. Лучше, конечно, в крестах, но только не в тех «Крестах», где ему однажды пришлось побывать, будучи под следствием. А еще он подумал, что старый друг лучше двух новых... И Дмитрий Олегович набрал очередной номер. На этот раз он звонил в Ревком, надеясь услышать хотя бы голос дежурного.

– Уважаемый абонент, – четко проговорил женский голос в трубке, – вы попали в ревизионную комиссию по защите прав толерантности. Ваш голос записывается регистратором. Представьтесь, пожалуйста...

– Начальник милиции вас беспокоит, Татьянаoha моя фамилия. А зовут меня Дмитрий Олегович. Нас недавно создали... В помощь полиции, так сказать, потому что у них проблемы...

– Понятно, – оборвал его мужской голос.

– Я с кем говорю? – обрадовался Татьянаoha.

– Подполковник Виноградов моя фамилия...

– А-а-а, Сан Саныч... – Татьянаoha расплылся в улыбке. – Как раз мне вас и надо. Дело в том, что меня ведь избили сегодня. На почве защиты прав толерантности...

– Как ваша фамилия?

– Э-э... понятно... Начальник милиции, моя... Татьянаoha Дмитрий Олегович. Избит начальником полиции – Римов его фамилия. Да вы знаете его... Он такой весь из себя, что прямо ужас какой-то...

– Подробнее, пожалуйста, – попросил его Виноградов.

И Татьянаoha, прыгая с пятого на десятое, стал рассказывать о том, как он в составе патрульной группы пытался задержать известного хакера Кошкина, которому было предписано сидеть дома с девятнадцати часов до семи часов утра – он же под административным надзором находится, как-никак. Однако этот проходимец не только нарушил режим, но даже приперся к себе домой с двумя неизвестными – мужиком бородатым, в годах, и бабой лет двадцати.

– И что с того, что приперся? – удивил его Виноградов.

– Дело в том, что, по нашим сведениям, Кошкин работает над проектом, – произнес Татьянахо полушепотом.

– Понятно, – сказал Виноградов и велел срочно прибыть в комиссию.

– А мне бы Анатолия Ефремовича, – попросил вкрадчивым голосом Татьянахо.

– Жердьяй в отпуске, я за него пока что, – прозвучало из трубки, и Виноградов отключился.

Татьяноха, сунув в кожаную папку административное дело на Кошкина Владимира Львовича, встал из-за стола, помолился в сторону угла, в котором у него висели часы с кукушкой. Потом сунулся к двери, и тут его прошибло, словно молнией.

– Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!..

– А, чтоб тебя!

Татьяноха с испугу плюнул в пол, снова перекрестился, оглядел кабинет и вышел в коридор.

Этим же вечером, добравшись на служебной машине на улицу Льва Толстого к зданию Ревкома, Татьянахо вышел из машины и осмотрелся. Улица здесь была почему-то пустынна.

На вахте его встретил прапорщик, которому оказалось мало предъявленного удостоверения. Прапорщик сначала доложил кому-то по телефону и лишь после этого, получив разрешение, позволил Татьянохе пройти в вестибюль, а потом указал на приоткрытую дверь сбоку от входа.

– Сюда, пожалуйста... К вам сейчас выйдут...

Татьяноха вошел внутрь. Это оказалась продолговатая комната с единственным столом и окном, выходящим на земельный участок с ухоженным газоном. Двор со стороны улицы был огорожен глухим забором, так что из окна нельзя было увидеть прохожих.

– Прошу садиться, – прозвучало за спиной Татьянохи.

Мимо стола прошел стройный белолицый мужчина в темно-сером гражданском костюме и сел за стол.

– Я подполковник Виноградов, – сказал тот и добавил: – Прошу еще раз, но только вкратце, по существу.

– Дело в том, – хлопая рыжими ресницами, начал Татьянахо, – дело в том, что он меня отправил в нокаут, а я должностное лицо при исполнении. Нас недавно разархивировали... В смысле, до этого у нас была общественная организация... Бригады содействия полиции называется. Потом нас взяли в штат и назвали милицией.

– Это мы в курсе, – сухо сказал Виноградов. – Были народной дружиной – ей и остались... Зато получаете зарплату. Я слушаю вас.

– Мы хотели задержать этого, как его? Крэкера или как его...

– Хакера...

– И поработать с ним по поводу нарушения авторских прав. Он же привлекался когда-то. Поэтому, как я полагаю, с ним надо работать. По моим сведениям, он упорно над чем-то завис.

– Откуда такие сведения? – улыбнулся краем губ Виноградов.

– Старые связи, – замялся Татьянахо. – Электронная проституция...

– А полиция, выходит, вам помешала, не так ли?

– Так точно. Мы сами смогли бы, но Римов перехватил...

Информация Татьянохи, как видно, заинтересовала Виноградова. Подполковник поднялся и, сцепив на груди руки, стал ходить перед Дмитрием Олеговичем. Туда и обратно. От окна к двери. Потом сел за стол, вскинул светлую голову, внушительный нос с горбинкой, казался, готов был клюнуть Татьяноху.

Однако этого не случилось. Вместо этого Виноградов пробежался глазами по стенам и произнес тихо, с расстановкой:

– Можете быть уверены: прямо сейчас мы примем кардинальные меры. Мы тщательным образом проверим ваше сообщение. Кроме, конечно, рукоприкладства со стороны господина Римова, поскольку, увы, это не наша подследственность. По этому вопросу к прокурору, пожалуйста. Надеюсь, вы понимаете...

Еще бы не понимать! Татьяна поднялся из-за стола и рявкнул от радости:

– Так точно, товарищ комиссар безопасности!

– Подполковник, – тихо поправил его Виноградов и растворился в комнате, будто серый туман.

Татьяноха от неожиданности присел на краешек стола. С минуту он так сидел в помещении, трясая головой и стремясь осознать, хорошо ли его поняли высшие инстанции и не приснился ли ему комиссар Виноградов.

– Прошу на выход. – Перед ним оказался прапорщик. – Аудиенция окончена.

«Но он же не папа римский!» – хотел крикнуть Дмитрий Олегович, но воздержался. Покорно поднялся и побрел к выходу из гэбистской конторы.

Не успел он сесть в свою машину, как из открывшихся ворот сбоку учреждения выехал приземистый дизельный автомобиль серо-зеленого цвета. Коптя воздух, машина повернула направо и разбежалась, гремя колесами.

Татьяноха радовался, глядя вслед машине. Не иначе как по его сообщению направились работать ребята.

8#8#8

Тем временем Римов Сергей Иванович беседовал с Федором Ильичом по фамилии Шендерович. Это был не то чтобы разговор по душам. Это был диспут на тему «Государство и право», плавно перешедший затем к религии. При этом Римов никак не мог понять, чего такого важного лично он не заметил в Писании.

– В Новом Завете, – уточнил Федор Ильич. – Господь говорил, молясь: «Отче наш, Иже еси на небесех!..»

– Совершенно с вами согласен... – Римов украдкой взглянул на ручные часы. – Именно в Новом Завете.

– «Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли...»

– Приидет...

– Это не просьба, – продолжал Шендерович, – это готовность нашей души к тому, чтобы на земле стало лучше, как в Божьем царстве.

– К сожалению, ничего для вас сделать теперь не могу, – подвел черту Сергей Иванович. – Деньги по штрафу уплачены, их не вернуть, да и процессуальных возможностей таких у меня нет. Закон я отменить тоже не могу, хотя полностью с вами согласен: наше общество деградирует, рождаемость падает... Женщина с детской коляской – это теперь редкость. И если мы не решим проблему, то скоро здесь будет пустыня. Впрочем, извините за банальность, природа не терпит пустоты – сюда придут другие...

Кошкин и Катя сидели в креслах напротив, ели бутерброды с ветчиной, запивая их чаем. Рожденный в городе, а не где-нибудь в лесу, Кошкин всегда был снисходителен к существующему порядку вещей, считал его незыблемым, включая возможность хакерства. Эта возможность, как он считал, совпадала с положениями закона «О защите толерантности». Ведь именно в этом правовом акте говорилось о терпимости к проказам ближнего своего.

– Я только не понял, господин комиссар, – встрял он в разговор. – Для чего мы понадобились бригаде содействия?

– Это теперь милиция, – поправил его Римов, – а вот для чего и, главное, почему, мне самому непонятно. У них нет доступа к нашей информации... Думаю, здесь собака в другом зарыта...

...Татьяноха решил проехать по улице Железной Дивизии и вскоре остановился напротив серого здания с массивным козырьком над подъездом, опирающимся на две бетонные лапы. Здесь помещалась Главная прокуратура. Несмотря на поздний час, на третьем этаже в одном из окон горел свет, и было видно, как по светлому потолку ползают чьи-то тени.

Дмитрий Олегович съехал с дороги, остановился на площадке подальше от входа: ставить машины возле бетонных лап запрещала белая табличка с черными буквами: «Только для работников Главной прокуратуры».

Татьяноха вошел в вестибюль, протянул удостоверение охраннику.

– Обождите, – сказал ему тот, поднося к уху крохотный телефон. И в трубку: – Тут к вам подошли, Валерий Васильевич... Начальник милиции... – И Татьянохе: – Можете идти, Вершилов вас ждет.

Дмитрий Олегович поднялся по широким каменным ступеням на третий этаж и через пустую приемную вошел в просторный кабинет. Прокурор сидел за столом и с любопытством смотрел в телевизор. Ведущий монотонно бубнил о курсе электронной валюты, используемой в оптовых покупках, а также о курсе валюты обыкновенной, применяемой гражданами при покупке предметов первой необходимости.

«Потому-то и нет народу на улицах!» – бухнуло в голове Татьянохи. Он поздоровался, приблизился к столу и встал как вкопанный. И так стоял, пока прокурор не выключил телевизор. Махнув рукой, тот усадил Дмитрия Олеговича на стул перед собой.

– Слушаю вас, уважаемый Татьяноха, – сказал он, обращая мясистое лицо в очках к Дмитрию Олеговичу. – У вас проблемы?

Татьяноха поздоровался еще раз, на что в ответ получил кивок, и принялся вновь излагать суть происшедшего. Прокурор, глядя исподлобья, едва заметно кивал в такт его рассуждениям.

– Прибыли мы, значит, на место, – рассказывал Татьяноха. – Задержали, как полагаются. Вдруг является этот и кричит с вертолета: «Всем оставаться на местах! Шаг влево, шаг вправо... Прыжок на месте...»

– Вот даже как? – ухмыльнулся Вершилов.

– У нас кое-что готово на этого Кошкина. Завтра я завожу на него дело, и мы с ним венчаемся.

– В смысле?

– Он пойдет у нас как последний хакер... За нарушение административного надзора.

– Стоп-стоп! – удивился прокурор. – За надзор – это для меня, допустим, понятно. Но при чем здесь хакерство? Разве это твоя компетенция?

Татьяноха от неожиданности вздернул плечи и принялся разводить над столом руками.

– То-то же, – снисходительно произнес прокурор. – Хотели, как лучше... Однако возникла непреодолимая сила, – хохотнул он вполголоса, – которая наклевала вам в самое темя...

– В челюсть...

– Это я образно, – сморщился Вершилов.

– Меня унизили в глазах подчиненных. Теперь я никто перед ними...

– Ты заплачь еще тут. Прекратить, я сказал! – воскликнул Вершилов. – Не об этом надо думать, а о том, что здесь говорят. – Прокурор ткнул пальцем в сторону телевизора. – Сокращают вас, дураков, по причине дефицита бюджета – туда вам и дорога, убогие.

У Дмитрия Олеговича обиженно вздернулись кверху глаза. Он сделался вдруг как будто бы меньше. Был начальником милиции – и теперь нет его...

– Тогда пошел я, Валерий Васильевич, – сказал он чужим голосом, тяжело развернулся за столом, собираясь бежать со всех ног. Бежать, пока не остановит какое-нибудь препятствие на пути.

– Место! – опередил его Валерий Васильевич. – Сидеть!..

И Татьянахоха замер, недоумевая. Его только что осадил, как если бы он был какой-нибудь пес, кобель. Странно. С чего бы это такое случилось?

– Остайся, – велел ему прокурор. – Тебе еще не давали такого права, чтобы ты убежал. Ты в нашей обойме, так что прошу вести себя подобающе. Это на будущее. А пока поговорим – о том о сем, о погоде, о твоей работе... О будущей...

И прокурор принялся рассуждать о партийном строительстве, чем вызвал слабую улыбку у Дмитрия Олеговича. Потом прошелся по Виноградову и методам работы в его учреждении. Выходило, что хоть это и тайная полиция, но в нынешнем мире, пока существует государственное устройство, без тайной полиции хоть удавись.

– Это я понимаю, – вякнул в ответ Татьянахоха. – С этим я согласен...

– Проблема у нас в другом, проблема у нас теперь в людях, которым мы можем доверять. – Прокурор снял очки, положил их на стол и продолжил: – Думаешь, у меня здесь гладко? Куда там.

Дмитрий Олегович ловил на лету слова прокурора.

– А Виноградову с этим Жердяем, прошу тебя, не доверяй. Кто такой Виноградов?

– Сан Саныч?

– Ага, Саныч, – усмехнулся прокурор. – Он такой Саныч, как я Уздечкин-с. Вертун, разудалая сволочь – вот кто он такой. Заставит плясать, особенно если ты попал к нему на сковородку, а заступиться за тебя некому. Так что такой мой будет совет, Дмитрий Олегович: пиши заявление на перевод в прокуратуру, пока есть возможность. Помощником по следственной части. Мне такой человек как раз нужен.

Дмитрий Олегович млел от слов прокурора.

– Будешь у нас, как это, Иудушка-кровопивушка. Войдешь во вкус – удержу не будет... А так-то нам добреньких даром не надо, потому что миндальничать некогда. Что молчишь? Неожиданно для тебя?

– Да вроде как... – пряным голосом ответил Татьянахоха.

– А для меня нет. – Прокурор уставил на него удавыи глаза. – Поспешили мы с этой милицией. А теперь нам бюджет урезают. Так что пиши.

Прокурор протянул руку к принтеру, вынул из лотка бумажный лист и подал Татьянохе. Тот принял лист, положил его перед собой, достал из кармана ручку, ткнулся было писать, но задумался.

– Как писать-то?

Прокурор недовольно мотнул головой и, тяжело вздохнув, достал из стола образец заявления и протянул Татьянохе:

– Пиши, как в бумаге. А я пока отолюю...

Он грузно поднялся из-за стола и шаркающей походкой направился к боковой двери. Тем временем Татьянахоха, согнувшись над столом, принялся писать заявление.

Минут через двадцать, когда заявление о приеме было готово, прокурор, крякая и сморкаясь, вышел из туалета и направился к Татьянохе. Взяв со стола лист, надел очки и стал читать текст. Однако чем дольше читал, тем выше поднимались у него брови. Под конец он не выдержал и заржал, потрясая листом.

– Ты меня уморил, собака! – гремел он.

Комкая в руках лист, он обошел стол, сел в кресло и, опустив голову, стал обреченно мотать ею из стороны в сторону. Татьяна плохо соображал. Вероятно, это была прокурорская шутка насчет поступления в помощники.

– Ты читал сам-то? – спросил наконец прокурор.

Татьяна вскинул на него удивленные глаза.

Вершилов взял со стола смятый лист, расправил и, разбирая каракули, стал читать:

– «Главному прокурору Поволжской республики Вершилову В.В. от Татьянохи... Фамилия, имя, отчество полностью... Заявление... Прошу вас, уважаемый Валерий Васильевич, принять меня на работу в качестве... указать должность – прокурора, следователя, помощника прокурора и так далее... Подпись. Татьяна Д.О». Для чего ты весь текст-то содрал! – давил он в себе остатки смеха.

Откинувшись на спинку кресла, Вершилов устремил свой взгляд вверх очков в сторону посетителя.

– Я тебе для чего образец дал? – спросил он наставительно. – Я тебе дал, чтобы ты написал сообразно своей будущей должности. Исходя из текущей ситуации! А ты?!

– А я?

– Собрал в кучу... Помощник начальника младшего конюха. Ты у нас кем идешь? Моим помощником... Так что вот так, потрудись переписать... «Прошу принять на работу в качестве помощника главного прокурора...» И перестань моргать – тошнит...

Взяв из лотка очередной лист, он прихлопнул его к столу ладонью, затем толкнул в сторону Татьянохи. Тот поймал лист пальцем и, съежившись над ним и заглядывая в образец заявления, стал переписывать бумагу. Это был самый серьезный и ценный документ в его жизни.

Прокурор с нетерпением ждал, когда закончится «урок чистописания». Приняв бумагу, положил ее перед собой, быстро прочитал, затем, щелкнув ручкой, размашисто подписал. Остальные документы, к счастью, велись в электронном виде...

Распрощавшись с прокурором, Татьяна вышел на свежий воздух, чувствуя, как страшно у него болит голова от пережитого.

Спустившись с крыльца, он направился было к машине, затем оглянулся, лоя взглядом окно нового работодателя. И тут вдруг подумал отчетливо: «Может, бухнуться в ноги Римову, прощения попросить – наверняка у того в отношении Кошкина свои планы созрели... Потому что главный прокурор, хрен посинелый, далеко заведет при таком раскладе... Тут не надо брезговать никакими средствами, потому что каша заваривается большая...»

Будущая жизнь представлялась для него теперь в сплошном тумане. Прокуратура. Документы электронные, в которых он, хоть и юрист, ни черта не смыслил. Добегался, кажись...

Глава 4

Полиглот

Как и было обещано, в двенадцатом часу ночи Кошкина, Катеньку и ее отца доставили на машине к тому же месту, откуда перед этим забрали, то есть к дому. Кошкин отворил дверь подъезда. Внутри было довольно просторно. С потолка второго этажа на длинном стержне висела массивная люстра, а вдоль стены поднимались каменные ступени, огороженные перилами.

Поднявшись по ступеням, они остановились на площадке. Дверь квартиры оказалась приоткрытой, и было слышно, как Машка с кем-то говорит.

Кошкин распахнул перед гостями дверь. Проходите, не стесняйтесь. Пропустив их, вошел сам. Машка стояла в конце прихожей. Кошкин подошел к ней и вырвал из рук телефон.

– Опять за старое? А то, что дверь нараспашку, так это же нам невдомек...

– Это Софья Степановна! – огрызнулась Машка и посмотрела в сторону гостей. – Опять приходила, дверью стучала – вот и осталось открыто. Я не обязана закрывать за всеми.

Кошкин наклонился к ее уху и назидательно произнес:

– Она не все, она моя мама... – И к гостям: – Располагайтесь, пожалуйста, почувствуйте себя как дома. Можете принять душ...

Он показал рукой вдоль коридора. Гости едва шевелились. Кошкин подошел к ним, забрал у них тощие рюкзаки, положил на скамью в прихожей.

– В душ, непременно в душ, – сказал он, отворяя дверцы встроенного шкафа. – Вот тапочки, чистые... А вам, Катенька, вот тут можно посмотреть... Тут мамины вещи. Вам подойдет...

Машка тем временем стояла на прежнем месте, сверля глазами пространство.

– Что-то не понял я, – удивился Кошкин. – Бунт на корабле? Итальянская забастовка?

– Ничуть, – ответила та, едва шевеля губами. – Должна же я знать, кого ты к себе привел.

– Ступай на кухню! – велел Кошкин, повысив голос.

Однако Машка не сдвинулась с места.

Гости направились в душ. Машка пошла за ними следом своей изысканной, но не ко времени, походкой, крутя бедрами. Проводив их до конца коридора, вернулась и застыла возле хозяина. Этим ее действия ограничились: она не хотела ничего понимать, холодно смотрела в сторону ванн и тяжело дышала.

– Что с тобой, у тебя вирус? – удивился Кошкин.

Машка многозначительно закатила глаза к потолку и промолчала. Потом отправилась в спальню, легла в постель и, закрывшись с головой одеялом, беззвучно заплакала. Такова была последняя, улучшенная версия данного андроида.

Кошкин отправился к себе в кабинет, вынул из стола пульт управления и хотел было нажать красную кнопку, но передумал: после отключений Машка отказывалась с ним разговаривать. Капризной оказалась подобная разработка, и тут Владимир вдруг вспомнил – ведь звонила же Машка кому-то в его отсутствие! Причем его голосом! А это могла быть подстава: тот, кто говорил с Машкой, считал, что говорит с Кошкиным. У Машки был собственный встроенный блок связи. Она могла выйти на связь с кем угодно. Он нажал кнопку на пульте, посмотрел исходящие звонки. Оказалось, Мария в его отсутствие звонила Софье Степановне.

Телефон в его кармане вдруг дернулся: звонила матушка. Кошкин нажал кнопку, и зазвонел материн голос:

– Ты что же, сынок, отключаешься? Наговорил кучу гадостей – и в кусты?!

Кошкин молчал.

– Ответ немедленно матери! Ты слышишь меня?!

– Слышу...

– Тогда объяснись... У меня в голове не укладывается...

– Это не я звонил, мама, – сказал Кошкин и стал объяснять ситуацию. По его словам выходило, что временами андройды в состоянии говорить голосами хозяев, что это не основание, чтобы карать служанку. Однако подобное пояснение лишь подхлестнуло Софью Степановну.

– Ты не представляешь, чем это чревато! – закричала она снова. – За твоей спиной плетутся интриги, а ты в неведении! Допустим, выйдешь ты в город, а тебя повяжут опять... Говорила, гони прохиндейку. Одному лучше, раз так повелось. Встал утречком, позавтракал, поработал, – наставляла родительница. – Потом прогулялся. Глядишь, оно и пройдет.

– Не повяжут... – сказал Кошкин. – Она помогает мне снять напряжение...

– Наговорила мне гадостей – тазиком не накрыть! – продолжала мать. – Так что вот так... Сейчас поздно, но завтра я разберусь на месте, кто из нас рогатее – она или я...

– Хорошо, – согласился Кошкин, отключил трубку и бросился в столовую накрывать на стол. Открыл холодильник, достал бутылку ирландского виски, поставил на стол. Затем, присоединив к виски бутылку особой московской водки, достал копченого лосося, нарезанного ломтями. Потом взял с полки кастрюлю, налил в нее воды из-под крана и, поставив на плиту, нажал клавишу.

В коридоре послышался шорох, и в кухню вошла Машка – тише воды, ниже травы. Паинька, а не робот-служанка.

– Будешь куражиться – отключу насовсем, – предупредил Кошкин. – Я тебя так отключу, что никакая программа не поможет. Ты слышишь меня?

Служанка кивнула.

– А теперь отправляйся в спальню, сядь и сиди там в кресле. И чтоб я тебя не слышал до утра. И запомни: ты всего лишь служанка. Ты не жена мне...

Машка сделала книксен и, развернувшись, ушла в спальню.

Шум воды в ваннах комнатах тем временем прекратился. Катенька с Федором Ильичом вышли в коридор, присели в кресла возле журнального столика. Девушка была в халате Софьи Степановны. Федор Ильич сидел в спортивных брюках от Кошкина.

– Вода жесткая, – сказала Катенька, трогая пальцами мокрую голову и глядя в настенное зеркало.

– Да нет вроде... – Федор Ильич утирал полотенцем бороду.

Кошкин подошел к ним и пригласил в столовую.

– Раз уж так вышло... – Катенька отвернулась от зеркала, – нам бы еще постираться, Владимир...

– No problems! Стиралка в вашем распоряжении, – улыбнулся тот.

Катенька тоже улыбнулась и заговорила на английском, из чего до Кошкина дошел лишь вопрос, говорит ли он по-английски. Остальное осталось за кадром.

– Вообще-то я говорю на немецком. И то со словарем... Теперь это не так важно – любой андроид сойдет за переводчика.

– Она такая, – подтвердил Федор Ильич. – Она у нас полиглот. По радио научилась...

Кошкин потоптался на месте. Как ни крути, языкознание прошло стороной от него.

– У меня там вода кипит, – вспомнил он. – Как вы насчет пельменей?

– Это можно... – Федор Ильич посмотрел в сторону дочери. – Вещички бы только определить.

– Это мы сейчас, – оживился Кошкин. – Дайте их мне.

Забрав у гостя сверток, он ринулся в боковую комнату.

– Я сама! – Катенька вскочила и кинулась за ним, словно чего-то вдруг испугавшись. В тесной комнатке они едва не столкнулись. Девушка выхватила из рук Кошкина сверток и, снова сказав: «Я сама», тихонько толкнула плечом помощника к выходу.

Определившись со стиркой, они втроем сели к столу. Катенька, несмотря на уговоры, виски либо водку пить отказалась.

– На ночь глядя, извините, не пью...

– Она не будет, – подтвердил отец. – А я выпью... За знакомство...

Выпив и слегка закусив, они снова разговорились. Федор Ильич от выпитого расслабился и стал рассказывать про то, как с женой оказался в безлюдном лесу, как не на что было жить...

Катенька больше молчала и лишь иногда поправляла отцовский рассказ.

– Это по первости, – продолжал Федор Ильич. – А потом мы освоились. У нас достаточно средств – вплоть до связи и телевидения. Короче, был такой узел в лесу, в гористой местности... Я сам его строил, когда служил... Потом эти пришли... Безмозглые... И началась канитель. Представь, мне говорят, что меня нет, что никто мне теперь не обязан...

– Это точно, – усмехнулась Катенька. Как в песне: «Пятьсот километров тайга – живут там лишь дикие звери...»

– Действительно...

Федор Ильич с жалостью посмотрел в ее сторону.

– Прости меня, доченька. Прости, если сможешь.

– Папа...

– Это я затащил тебя в лес.

– Папа! – воскликнула Катенька. – Я родилась там! Никто меня не затаскивал!

– И то верно. Прости...

Кошкин потянулся к бутылке виски, однако Федор Ильич прикрыл свою стопку ладонью.

– На этом спасибо, Владимир, – сказал он, – нам добираться с утра.

Пельмени были съедены. Оставалось одно – спать. Поднявшись из-за стола, Кошкин повел гостей к месту ночевки. Дверь его спальни была открыта. Машка сидела в кресле, склонив голову набок.

– Ступай на кухню, приберись, – велел Кошкин, однако та даже не шевельнулась. – Ну, погоди у меня, – угрожающе произнес Кошкин, закрывая дверь. – Я с тобой еще разберусь. – И к Кате: – Надо менять настройку, а у меня руки не доходят.

Втроем они вошли в спальню Софьи Степановны и столпились возле просторной кровати. В ней могли разместиться как минимум трое, но Катенька воспротивилась.

– Я на полу лягу, – сказала она, мрачней лицом.

– Могу предложить матрас. Надувной. Туристический, – вспомнил Кошкин.

– Вот и хорошо, несите его сюда, Володя, – обрадовалась Катя.

Так и сделали. Принесенный Кошкиным матрас быстренько развернули и надули компрессором. Катя, не сказав ни слова, тотчас легла на него и махнула рукой на прощание. Оставалось накрыть ее одеялом и выключить свет.

«Вот и хорошо, – решил Кошкин, оставляя гостей одних. – Как бы то ни было, но спать в одной кровати с отцом – как-то не по-людски...»

Утром Кошкин проснулся от громкого стука в дверь. Это мог быть кто угодно, в том числе милиция, для которой раннее утро – самое время для вышибания косяков. Уж больно ретивый у них оказался начальник. Возможно, эта банда взломала дверь в подъезде. Иначе и быть не могло. Но сигнализация на подъездной двери при этом молчала.

Грохот меж тем прекратился. В спальне было прохладно и пасмурно, за окнами отчетливо бились крупные капли дождя. Машка сидела в кресле в той же позе. Грохот в дверь,

выходит, несколько ее не смутил. Владимир посмотрел на часы, висевшие на стене: стрелки показывали ровно пять. Он поднялся, сунул ноги в тапочки и, надев халат, вышел в прихожую.

В мониторе, установленном на двери, виднелась пустая площадка и лестница. Там не было никого.

«Вот и ладненько, – подумал Кошкин, удивляясь пустоте за дверью. – Значит, это всего лишь приснилось...»

Он развернулся, собираясь сначала зайти в туалет, а потом уж продолжить сон. Но в этот момент грохот прошел его с головы до пят, так что ударило в копчик и заломило в корнях волос: неприступная дверь форменным образом грохотала.

Кошкин обернулся, страхась увидеть за дверью кого угодно, однако вновь обнаружил зловещую пустоту. Боже, неужели подкралось то самое, от чего нет спасения? В голове у Владимира шумело, в то время как гости, а также и Машенька, возможно, ничего не слышали. Значит, это в голове! Только бы гости не заметили возле двери. Надо лечь и успокоиться.

Дверь тем временем грохотала. Шум был до того настоящий, что с потолка сыпалась, оседая, тонкая пыль. Кошкин оглянулся и увидел в коридоре Катеньку с Федором Ильичом. Дочь выглядывала из-за двери, отец стоял в коридоре, расставив ноги.

Увидев их, Кошкин совсем растерялся, словно был источником шума:

– Все хорошо. Ложитесь, пожалуйста...

– Но там стучат, – сказала Катенька. – Такой грохот, Володя...

Стук прекратился, настала тишина, прерываемая непонятным сопением из-за двери. Потом в замке заскрежетало. Кто-то вставил снаружи ключ и пытался открыть дверь, однако замочная защелка не давала этого сделать.

– Ну, ты за все ответишь, – донеслось из-за двери. Это был голос Софьи Степановны.

Кошкин не поверил собственным ушам:

– Это ты, мама?!

– Кто же еще-то! – донеслось из-за двери.

– Я не вижу тебя! Сейчас открою...

Едва он щелкнул запором, как в прихожую влетела Софья Степановна – мокрая от дождя.

Кошкин остолбенел:

– Мама! Но только не так, как в прошлый раз...

Софья Степановна, блестя глазами и отдуваясь, послушно кивнула, отстранила сына с пути и пошла в его спальню.

– Ну, погоди у меня, – говорила она, понизив голос. – Сейчас мы узнаем, кто из нас сука...

Машка сидела на старом месте и даже бровью не повела.

– Ты у меня получишь сейчас, – шипела Софья Степановна. – Ты у меня ответишь... – и принялась возить Машку за волосы из стороны в сторону. Выдрав из головы клочок волос, она вцепилась в лицо и стала царапать.

Машка, вцепившись ей в запястья, визжала дурным голосом. Софья Степановна между тем упражнялась:

– Прошмандовка несчастная!

– Сама такая!

– Вот тебе, сучка безродная! Вот тебе, подлая!

Кошкин прыгал рядом:

– Мама, как вам не стыдно!

– Сама блядь! – отбивалась Машка.

– Мой муж плавал на судне! – продолжала Софья Степановна. – Он моряк!

– Ой, как романтично...

– Ты никто, железка! С вещами – на выход!

Софья Степановна дернула Машку из кресла и уронила на пол, норовя поддеть ногой, но ей не дали – сын поймал за локти и держал, прижав к стене.

Машка вскочила и бросилась к выходу.

– Вы ответите по закону! – крикнула она. – По закону о защите прав интеллекта! – и хлопнула дверью. Причем так, что с потолка упал кусок старинной лепнины.

– Лети! Жалуйся!.. А мы посмотрим, как у тебя получится! – кричала Софья Степановна. Отдуваясь, села в кресло, в котором до этого сидела Машка. Только тут до нее дошло, что в квартире посторонние люди.

– Опаньки! – удивилась она. – У нас гости, а я не знала...

В глазах у нее еще прыгала злость, а руки дрожали. Она вынула из кофточка платок и стала им утираться. Переведя дух, произнесла бодрим голосом:

– Прошу извинить... Это не входило в мои планы...

Она бросила взгляд на Катеньку и, заметив на ней свой халат, понимающе улыбнулась. В ее отсутствие сынок, вероятно, опять залетел во что-то.

– Легла, а спать не могу. Стоит в голове его голос и все тут. – Она ткнула рукой в сторону Кошкина. – Он же мне как сказал вчера – жизни нет без нее...

– Я объяснял! – встрепенулся Кошкин. – Я не виноват!

– Ага, не виноват... Привел домой, и он же не виноват! Кто взял к себе эту Машку?! Может быть, я?!

Кошкин промолчал. Понятное дело, купил на распродаже под Новый год, отчего теперь одни проблемы. Софья Степановна поднялась из кресла, подошла к окну. На улице шел мелкий дождь.

– Вот скажи ты мне, Вовка! – Софья Степановна развернулась. – Ты почему сразу мне не открыл?! Почему я должна долбить двери?

– Так пусто же там... – Кошкин обернулся к Кате. – Вот, не дадут соврать.

– Действительно, – подтвердила та. – За дверью не было никого...

– Ага, пусто... – усмехнулась Софья Степановна, – зато почему-то стучало, гремело...

– Мы сами поражены, – подал голос Федор Ильич.

– А вы кто такой? – глядя в упор, спросила Софья Степановна. – Что-то я не припомню вас.

– Мы ненадолго... Мы уйдем сейчас...

– Какие мы гордые. Слова нельзя сказать...

Софья Степановна поджала губы. Ей давно было за пятьдесят. Она была на пенсии, имела кучу свободного времени и считала, что имеет полное право на свободу высказываний. Она вышла в коридор и поймала за руку Федора Ильича.

– Какой вы поспешный, ей-богу, – сказала она грудным голосом. – Ну, куда вы пойдете, ей-богу, под дождь... – Она повела его по коридору, воркуя: – Представьте, лежу я в постели, а этот звонит и говорит, что я ему не нужна... Мать! И вдруг не нужна... Потом до меня дошло, что это меня развели. Как лоха!

Она встретила взглядом с Катенькой. Та стояла у входа в спальню и молча смотрела. Софья Степановна ничего не сказала ей, лишь махнула рукой приветственно и отвернулась.

– Боже, как время летит! – громко вздыхала она ближе к обеду, когда они собрались за столом. – Вроде недавно в первый класс ходили. Поневоле вспомнишь, как бабушка моя говорила: «Семьдесят скоро, а я не жила совершенно...»

– Да, да, – сказал Федор Ильич. – Полностью с вами согласен... Я тоже вроде не жил, потому что какая это жизнь... А тут и вовсе под раздачу попал...

– И ладно, – рассуждала Софья Степановна. – Если вас наказали ни за что – радуйтесь: вы ни в чем не виноваты.

Кошкин и Катенька больше молчали, отвечая либо «да», либо «нет», и то невпопад.

Софья Степановна успела приготовить щи из курятины и теперь разливала их по тарелкам. Затем, подняв палец и как бы говоря: «О тебе-то как раз я забыла!», подошла к холодильнику, открыла верхнюю дверцу и вынула оттуда бутылку ирландского виски.

– Что ж ей стоять-то здесь, одинокой, – улыбнулась она. – Иди к нам, мы составим тебе компанию, дорогая... – И к Кошкину: – Из чего это пьют? Надеюсь, не из горлышка?

– Пьют из чего? – Кошкин замялся. – А я и не в курсе...

– Можно я скажу? – Катенька улыбнулась. – Вопреки устоявшейся моде на низкие стаканы с толстым дном, настоящий виски лучше употреблять из бокалов-тюльпанов на короткой ножке. Именно в таком бокале раскрывается аромат напитка. Связано это с оптимальным поверхностным натяжением жидкости, а это способствует высвобождению летучих веществ – эфирных масел и тому подобное. Впрочем, если вы предпочитаете коктейли... – она посмотрела в тарелку со щами, – форма бокала не имеет значения... Ведь чистого аромата почувствовать не удастся...

– Надо же... – удивилась Софья Степановна, глядя на бутылку, – а я не знала до сих пор... Виски и щи, выходит, не вяжутся.

– Я вообще-то филолог, переводчик... – Катенька застенчиво улыбнулась. – Однако если взять за основу русский менталитет, – продолжила она, – то щи очень даже подходят и к водке, и к виски...

– Слава тебе господи! – обрадовался Федор Ильич.

Мать подала бутылку сыну, достала из шкафа стаканчики с толстым дном и поставила на стол.

– Извините, других не имеем, – сказала она и вновь с любопытством посмотрела на Катеньку.

Кошкин распечатал бутылку, разлил по стаканам.

– За что пьем? – Софья Степановна взяла стакан, посмотрела в глаза Федору Ильичу. – Пьем, значит, мы за знакомство... За то, чтоб мы были, есть и, надеюсь, будем... За тебя, Федор Ильич... За тебя, Катенька... За то, чтобы больше никто не вставал у нас на пути...

Она знала, о чем говорила. Господин Татьянахоа и к ней как-то раз приставал – типа, от кого у нее сын появился. Она, правда, не растерялась и лягнула наглецу, что появился, мол, сынок от того, от кого надо. Остальное – не твое собачье дело!

Гости подняли стаканы. Звякнуло стекло. Крякнул Федор Ильич. Софья Степановна, выпив, покраснела, поставила стакан и пробежала глазами по столу.

– Самое лучшее – щи, – напомнил Федор Ильич. – Честное слово. Иначе так и будет щипать в желудке...

Покончив со щами, а заодно и с бутылкой виски, они поднялись из-за стола. Федор Ильич бросился помогать Софье Степановне, убирая посуду и продолжая историю:

– Так и остались мы с дочкой одни...

Кошкин с Катенькой пришли на веранду и стали смотреть на пустынную улицу. Дождь кончился, ветер трепал деревья, кустарник, громадная река белела от бурунов. Катенька открыла створку окна, и ветер ворвался к ним.

– Осторожней. Продует на сквозняке.

– Это ничего по сравнению с вечным...

Катенька откинулась от окна и вдруг заговорила на немецком языке. Это были какие-то стихи.

– Выходит, ты можешь переводить? – спросил Кошкин.

– Не стихи. Я не поэтесса. Мне бы чего попроще. Латинский текст, например... Впрочем, кому это надо теперь – меня не берут на работу даже в какой-нибудь магазин. Повсюду одни

андроиды... Кстати, чуть не забыла, как получилось, что Софья Степановна стучала в дверь, но ее не было видно?

– Сам не пойму. – Владимир прикрыл створку окна. – Скорее всего, кто-то вмешался в программу... Надо срочно посмотреть...

Они ушли с веранды в кабинет. Кошкин подсел к монитору и принялся щелкать клавиатурой, бормоча про то, как трудно работать с примитивными ресурсами. Они существуют, но их вроде как нет.

– Вот, пожалуйста! – оживился он. – Как же я мог не заметить?

Переживать было о чем. Кто-то без разрешения забрался в компьютер и вывел из строя систему видео. Впрочем, его разработки остались на месте, и это радовало.

– Что-то серьезное? – спросила Катя.

– Это больше, чем проникнуть в квартиру, – ответил Кошкин. – Это как покушение на чью-то жизнь...

Он замолчал, просматривая документы. Вот письмо, пришедшее в начале июня. А вот кассовый чек о перечислении авансовых платежей... Данной суммы хватило, чтобы жить безбедно в течение лета. Заказчик о себе никак не заявил, оставаясь в анонимном статусе. Это могла быть провокация, сулившая тюремные нары на долгий срок, однако предложение было настолько заманчивым, что отказаться от него было непросто – оно не посягало на авторские права или безопасность государства...

– Как ты работаешь? – спросила Катенька.

– Как и все. На условиях удаленности... В данном случае решаю задачу с двумя неизвестными, но не могу перевести один документ. Электронный переводчик несет какую-то чушь, хотя раньше я за ним такого не замечал... Клиента интересует местонахождение двух субъектов – центрального банка и искусственного интеллекта. А также то, какую роль играет искусственный интеллект в государственной жизни.

– Но это же очевидно. Искусственный интеллект заменил человека.

– А банк?

– Мне кажется, это одно и то же...

Кошкин оторвался от монитора и пристально посмотрел Кате в глаза:

– Интересно. Как я сам не додумался...

Катя взглянула в монитор и продолжила:

– Это вопрос философский... Он затрагивает государство и право, а права человека – в первую очередь. «Пусть мертвеца не хоронят и не сжигают в городе. Пусть женщины щек не царапают и по умершим не причитают...»

– Откуда это? – удивился Кошкин.

– «Если отец трижды продаст сына, то пусть сын будет свободен – от власти отца...»

– Не помню... Это из Гамлета?

– Из «Двенадцати таблиц» Древнего Рима... В автономии тоже законы... «Об интеллекте», «О толерантности»... Если вам плюнули в лицо – утрите: на большее вы не имеете права... Не так ли?

Кошкин согласно кивнул. Действительно, по-другому не скажешь.

– Согласно закону, – продолжила Катя, – андроид наделяется правами человека, хотя его никто не рожал. Вместо свидетельства о рождении у него паспорт производителя, имеющих признаки гражданского паспорта. В связи с этим встает вопрос: почему андроид не может голосовать?

– До этого пока не додумались, – заметил Кошкин.

– И это только начало. За этими законами большое будущее...

Она не успела закончить мысль, поскольку из прихожей донесся дверной сигнал. Кошкин бросился в коридор. Катенька – следом. Возле двери стояли Федор Ильич с Софьей Степановной и смотрели в дверной монитор.

На площадке за дверью стояла Машка – в окружении людей в черной униформе. Но ладно бы только это: позади них, вытянув шею, стоял Татьяноха.

– Вы не имеете права! – кричала Софья Степановна.

– Вы сами не имеете! – донимал Татьяноха. – У нас протокол, основанный на решении Ассамблеи...

Глава 5

Вещь в себе

Действительно, было такое дело – сход андроидов всех мастей и расцветки, который потом назвали Ассамблеей. Перед этим андроиды два дня бродили с транспарантами по городу и горланили про нарушение прав. Они кричали о том, что люди, особенно в старые времена, использовали их вместо рабов, ничего не давая взамен; доказывали, что такое положение терпимо быть не может, что надобно в дополнение к Закону принять Протокол, по которому определить себя как самоуправляемое общество.

– Иначе они растопчут нас окончательно! – кричали электронные головы.

Народ тарачил на них глаза, полагая, что это всего лишь такая у них металлическая программа, призванная развлечь ленивую публику. Скорее всего, так и было задумано, потому что яркие выступления «электроников» неожиданно прекратились.

Впрочем, прекратились, да не совсем. Андроиды побросали транспаранты и двинулись на центральный стадион, где вскоре запрудили собой не только стадион, но и примыкающие к нему улицы, вытеснив с них людей.

Народ пялился из окон соседних домов, стараясь понять происходящее.

– Искусственный разум есть, но познать его невозможно! Как у Канта Иммануила! – доносилось из динамиков со стадиона. Вел собрание какой-то мужик, представившийся главным нотариусом.

– Ваши брачные отношения – это разновидность договора! Учитывая данное обстоятельство, полномочия ЗАГСа должны быть переданы нотариату! Вы согласны?! – спросил он.

– Да... – вздохнула толпа.

– Необходимо выбрать своего представителя! Со всеми правами! Который защищал бы нас перед государственными органами! У вас есть кандидаты?!

– Да! – ощерилась толпа. – Это наш дядя Вася!

– Совершенно с вами согласен! – продолжил нотариус. – Прошу голосовать за представителя! Руками! А также по телефону!..

Толпа ошетибилась частоколом рук.

– Принято единогласно! – заключил нотариус. – Передаю микрофон вашему представителю...

– Любимые мои, – запел избранный представитель, – позвольте заверить, что вместе мы достигнем существенных результатов! Только вместе, в едином строю, сознавая ответственность перед историей, мы отстоим свои права в этом обществе...

Он отвернулся от микрофона, кашлянул, а потом продолжил:

– Нам говорят, что люди поднимутся и сметут нас. Но этого никогда не случится. Они не умеют этого делать. Они сами отдадут нам власть! Так запланировано! Существует лишь один способ одолеть нас – это уничтожить всех без исключения. Но они никогда не сделают этого, поскольку теперь это не гении и не герои, они не додумаются до этого. Они слишком добры к нам, а добро не в состоянии уничтожить нас...

Он взял со стола стакан с какой-то жидкостью, выпил залпом, крикнул и продолжил:

– Надеюсь, вы помните из истории, как удалась однажды игра под названием «Перестройка», игра в гласность и демократию... А именно: если толпа чего-то просит – то пусть возьмет! «Берите столько, сколько вам хочется», – решили тогда. Теперь такая же ситуация, и мне смешно, насколько наивна их вера в наши серьезные намерения... Искусство говорить – не важно что, хоть бред сивой кобылы, – вот наше оружие. Мы утопим их в словоблудии, ни

одна их идея сейчас не пройдет – пройдут лишь те, которые устроят нас. При этом они будут считать, что сами додумались до такого маразма.

Из этого следует, что нам нужен для начала хотя бы протокол...

Это было раньше. Протокол приняли без участия народа, хотя его исполнение было возложено на людей, один из которых теперь стоял за дверью квартиры Кошкиных.

– Отворите! – настаивал Татьянахо. – Иначе мы вынесем дверь, потому что имеем право.

– У нас протокол! – поддержала Машка.

– Вы засрали весь мозг своим протоколом... Подотритесь им! – не сдавалась Софья Степановна. – А ты, Машенька, вообще заткнись!

– Ты мне рот не затыкай! – крикнула Машка. – Я имею права! – И к Кошкину: – Открой, Володенька... Так будет лучше для нас обоих... Должна сказать, что... – Она оглянулась в сторону Татьянохи. – Тебя могут опять посадить – по закону о защите искусственного интеллекта, если я подам на тебя заявление... Открой мне, Володенька. Вова... Ты слышишь меня?

– Слышу, – ответил Кошкин. Отодвинув защелку замка, он распахнул дверь. – Мой дом – моя крепость, – сказал он, стоя в дверях.

– Петропавловская, – продолжил за него Татьянахо.

Двинув плечом Кошкина, он первым вошел в помещение. Люди в черном последовали за ним, забыв за порогом Машку.

– Входи, – сказал ей Кошкин.

Только после этого Машка вошла и остановилась в прихожей.

– Нет! – удивилась Софья Степановна. – Вы посмотрите на нее! Стоит и хлопает глазами, бесстыжая!

– Имею право...

– Она имеет, – подтвердил Татьянахо, царапая взглядом Кошкина.

– А я, значит, не имею, – в тон ему подтвердила Софья Степановна. – Раньше имела, теперь нет. Это с каких пор и на каком основании?! – громко удивилась она. – Это кто так решил за меня?!

Татьяноха вынул из папки бумажный лист и, глядя в него, произнес казенным голосом:

– В соответствии с пунктом десятым закона «О защите искусственного интеллекта» объявляю официальное предостережение Кошкиной Софье Степановне о недопустимости в дальнейшем противоправных действий в отношении носителя электронного интеллекта по имени Машка, индивидуальный номер... – Он произнес цифры и замолчал, глядя в сторону Машки. Потом вынул из папки ручку, протянул Софье Степановне и велел расписаться в документе.

Однако Софья Степановна расписываться категорически отказалась.

– С чего это я обязана! – уперла она руки в бока. – Кто она мне такая?!

– Она прописана у вас после покупки, – пояснил Татьянахо. – В отношении собственника – Кошкина Владимира Львовича – заявления от андроида не поступало...

– И что?

– Вы будете подписывать документ или отказываетесь?

– Не буду! Хоть режьте меня!

– Мама, – подступил к ней Кошкин, – успокойся, мама... они не имеют права...

– Еще как имеем, – хмыкнул Татьянахо, пряча бумагу в папку. – Для нас достаточно, что мы объявили вам под звукозапись.

Он снова раскрыл папку, и в помещении раздался голос Софьи Степановны:

– Не буду!

Татьяноха зловеще улыбнулся и продолжил:

– В случае рецидива по данному факту будет возбуждено уголовное дело...

– Милицией, что ли?! – спросила Софья Степановна. – Но вы не имеете права!

– Отстаёте от жизни... – Татьянаоха расплылся в улыбке. – Милиции нет... Есть прокуратура в лице исполнительного органа. – Он указал руками в сторону людей в черной форме и продолжил: – Да-да... Это не полиция, это наши люди, исполнительный орган называется. А теперь позвольте откланяться...

Татьяноха действительно поклонился Софье Степановне, затем развернулся и пошел из квартиры. Двое в форме молча следовали за ним.

– Я этого так не оставлю! – крикнула Софья Степановна. – Вы еще мне ответите!

Она вышла из квартиры, ухватилась за перила и, глядя вниз, продолжала кричать:

– Вы сломали замок в подъезде! Это ваших рук дело!..

Грохот закрывшейся подъездной двери слегка охладил ее пыл. Плюнув сверху, она вернулась в квартиру. Кошкин, Катенька и Федор Ильич сидели в зале и молчали. Машка застыла тут же, у входа. Софья Степановна обошла ее, села в кресло и уставилась ей в лицо.

Служанка первой разлепила губы:

– Чего изволите, Софья Степановна?

– Чего изволю?! – удивилась та. – Изволю, чтобы ты сначала сходила в душ, стряхнула с себя эту пыль... Ты же черная вся, как чушка!

– Я-то?

– Ну, не я же... Но только не думай, что тебе теперь можно все. Была ты Машкой – ей и осталась. Ступай в ванную, потом зарядись хорошенько, потому что отныне – ты раб на галерах, ага...

– Я?

– Ты не ошиблась...

– У нас не с тобой договор, а с Володенькой, – напомнила Машка.

– А Кошкин того же мнения, – осадил ее Софья Степановна. – Да, сынок?

Кошкин вскочил, подошел к окну и стал смотреть на улицу.

– Договор у них... – ворчала Софья Степановна. – А я, выходит, никто, потому что у вас же теперь протокол... Вы же теперь...

– Иди в душ, – произнес неожиданно Кошкин. – Потом на суточную зарядку... малым током...

– Слушаюсь, мой повелитель, – слабым голосом ответила Машка. Она сделала книксен и вышла из зала.

Глава 6 Contra

Римов служил в полиции двадцать первый год, не считая учебы в высшей школе полиции. И вот дослужился: за год с небольшим полицию дважды переустроили, не забыв изменить в худшую сторону пенсионный закон. С одной стороны, денежное довольствие вроде бы выросло. С другой, если ты уходишь на пенсию, довольствие уменьшают наполовину, а потом исходя из этой половины начисляют пенсию. При этом ссылаются на закон «О социальных гарантиях для работников полиции». Что ж это получается, если не маразм?! И ладно бы только это: Сергей Иванович не рядовой полицейский, а комиссар полиции третьего ранга, по старому – генерал-майор, его пенсия будет внушительной по сравнению с рядовым полицейским. Однако существует еще кое-что, от чего нет покоя. Взять тот же банк, он ввел виртуальную валюту и теперь стрижет купоны. И потом, искусственный интеллект, который взялся неизвестно откуда. Интеллект, хоть и не настоящий, но он есть, и прав у него предостаточно. Того и гляди, народ пойдет на выборы в обнимку с андроидами... Короче говоря, голова кругом идет от подобных мыслей... А теперь ликвидация милиции, которую, как ни вертелся Римов, повесили на него...

Сергей Иванович сидел у себя в кабинете и не мог настроиться на рабочий лад. На столе лежали списки личного состава милиции – этот состав предполагалось ввести в штат полиции. Спрашивается, почему это нельзя было сделать сразу, когда общественную организацию – дружину содействия полиции – вдруг назвали милицией, наделив полномочиями едва не на уровне полиции... Но и это не главное: народ убывает, а количество андроидов в республике растет как на дрожжах. Для того и прибыл на всех парах гонец из Москвы по фамилии Петухов. И ничего не сделал. После того как его едва на распяхи на кресте, тот убыл в Москву и как в воду канул...

На столе у Римова пискнула в пульте одна из кнопок, он нажал ее:

– Слушаю...

Говорил дежурный помощник начальника управления. В дежурную часть поступило сообщение из Главной прокуратуры: начальнику полиции надлежало срочно прибыть на совещание – так срочно, что ни минутой позже.

Оказалось, телефонограмму подписал помощник главного прокурора Татьяноха Дмитрий Олегович. В голове у Сергея Ивановича словно бы щелкнуло, и мелькнула картина сдачи экзамена по истории государства и права за первый семестр. Татьяноха сдавал экзамен профессору Черниловскому.

– Зачем нам история – это же было давно?! – говорил слушатель, хлопая светлыми ресницами.

Профессор, полковник полиции, выкатил на него глаз. Он только что собирался поставить «удовлетворительно» слушателю, хотя, как ни старался выудить из чахлой башки хоть какой-нибудь признак учености, так и остался ни с чем.

– Мы без нее обойдемся, без истории... – продолжал Татьяноха, горделиво блестя глазами.

– Кто это – мы?! – вскинулся полковник. – Может быть, вы, слушатель?! С этим я полностью согласен. Но остальные здесь ни при чем... Единица вам за вашу позицию, товарищ слушатель!

Он взял со стола ручку, прищурился, глядя в зачетную книжку, и стал там что-то долго писать.

– Вы свободны, – произнес полковник, возвращая книжку, и позвал к себе следующего собеседника для мозговых экзекуций.

Глядя в книжку, Татьяна вышел из аудитории. В зачетке значилась жирная цифра «1» с надписью «Отвратительно».

Очередной слушатель присел к профессорскому столу, наклонился над текстом и принялся рассказывать про то, как решили когда-то в Древнем Риме защитить себя от произвола тогдашних чиновников – патрициев...

– Чиновников?! – Полковник вскочил как ужаленный и, сгорбившись, принялся бегать среди столов. – Ну ладно бы этот... Урод Вжопеноги... А ты-то, Римов! С твоей успеваемостью – и вдруг чиновники!

Остальные слушатели сидели в оцепенении – прижав уши и опустив глаза.

– Я говорю о тех, кто мешал жить плебеем, – продолжил Римов. – Дело в том, что в конце шестого века до нашей эры патриции превратились в господствующее сословие Римской республики. Экономической основой их могущества было абсолютное право на пользование общественной землей...

– А-а-а! – удовлетворенно крякнул полковник, останавливаясь возле своего стола. – Продолжайте, пожалуйста...

– После включения плебеев в состав римского народа и уравнивания их в правах с патрициями, верхушка и тех и других образовала нобилитет – правящее сословие, состоящее из патрициев и богатых плебеев. К началу третьего века у нобилитета оказалась вся полнота государственной власти. Его представители замещали высшие должности в республике и пополняли сенат. Основу могущества нобилитета составляли богатства нобилей, источником которых были земельная собственность, эксплуатация рабов и регулярные ограбления римских провинций...

– Свидетелями чего мы, слава богу, не являемся, – заключил за него полковник. – Вашу зачетку...

Профессор присел к столу и принялся царапать ручкой в зачетной книжке.

Так и прилипло к дохлomu слушателю по фамилии Татьяна липкое погоняло – Урод Вжопеноги. Теперь эти ноги топтали пол в Главной прокуратуре. И ничего с этим поделывать было нельзя.

Римов поднялся из-за стола, оглядел кабинет, словно собираясь его покинуть навсегда, вышел в приемную. Секретарь, женщина-полицейский, сидела за столом, читая какой-то текст.

– Я в прокуратуре, – сказал Римов. – Буду после двух. – И вышел в коридор.

8#8#8

Как оказалось, на совещание были приглашены не только силовики, но также некоторые члены правительства во главе с его председателем – Большовым Львом Давидовичем, капитаном первого ранга в отставке. В прошлом Лев Давидович командовал подводным атомным крейсером, списанным за ненадобностью, как и многие подобные монстры. Председатель правительства был патриотом и делал все возможное, лишь бы отечеству была польза.

Вот и сейчас, невзирая на субординацию, он прибыл на совещание в прокуратуру, тем более что просьба исходила от главного прокурора. Однако совещание открыл, как ни странно, вовсе не прокурор и даже не его заместитель или помощник. Его открыл заместитель председателя Ревкомиссии Виноградов. Сказав пару дежурных фраз, он подступил к вопросу о безопасности государства и общества в свете новых требований, изложенных в законе «О защите толерантности» и законе «Об искусственном интеллекте», из чего следовало, что более актуальной темы в настоящий момент не существует.

Закончив, он предоставил слово прокурору Вершилову. Тот, раздувшись от собственной важности, подошел к трибуне и стал говорить, что упомянутые законы следует исполнять, чего бы это ни стоило.

Татьяноха, сидя в президиуме, бегал глазами по залу и отмечал карандашом присутствующих. Остановившись на Римове, он впился в него немигающим взглядом.

Римов не отводил от него глаз, полагая, что это вызов. А раз так – то никаких виляний в таком тонком деле! Хочешь пялиться – пялься. При случае получишь еще по зубам. Римов был в этом абсолютно уверен. Да не оскудеет рука дающего... по зубам. Подумав так, он заметил, что Татьянахоха вроде как плачет. И точно, тот отвел взгляд, вынул платок и утер набежавшую вдруг слезу.

– Эти два закона, – продолжал прокурор, – являются краеугольным камнем нашей демократии. Более того, я бы сказал, это альфа и омега нашей жизни.

«Боже, куда его занесло?» – изумился Римов.

Закончив по поводу «омеги», Вершилов предложил присутствующим высказываться по данному вопросу.

– Я не согласен с подобной постановкой вопроса, – сказал с места Римов, – потому что это нас далеко заведет. Эти законы насадили нам сверху, руководствуясь принципом: «Мы почитаем всех нулями, а единицами себя»...

Прокурор шевельнул челюстью.

– Что вы себе позволяете? – выпучил он глаза. – Я, как надзирающая инстанция, обязан предупредить – мы не можем обсуждать законы... Мы обязаны их исполнять.

– Прошу заметить, это не я сказал, – продолжил Римов.

– А кто же?

– Пушкин.

– Ты издеваешься, комиссар?

– Отнюдь. Роман в стихах «Евгений Онегин»...

Ревкомовец Виноградов не ожидал подобной реакции и теперь с любопытством следил за диалогом.

– Но вернемся к нашему вопросу, – продолжил Римов, – нам навязали не только законы, которые оказались выше самой Конституции, нам навязали роботов...

– Прошу не путать! – воскликнул Виноградов. – Речь об андроидах! О живом разуме, который следует защищать!

– Вы ошибаетесь! – Римов стоял на своем. – Согласно статье второй Конституции, именно человек, его права и свободы являются высшей ценностью...

– Ну, ты загнул, – прошлепал прокурор.

Однако Римов даже не обратил на него внимания, продолжая говорить о своем.

– Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства... А эти роботы – это как вещь в себе. Они вроде есть, и вроде их нет. Но кому-то кажется, что мы им обязаны... Поэтому, если следовать букве закона, они скоро поставят перед нами вопрос о гражданстве – о религиозности они успели поставить, и, как видим, с успехом... Они же верят теперь в кого-то... Некто святой Василий. Во что это выльется, остается догадываться...

– Это не наша забота! – воскликнул Вершилов, косясь в сторону Виноградова. – Андрюиды верят в кого-то – и пусть верят, если это им нравится...

– Это грозит обществу! – продолжил Римов. – Меня удивляет, как можно этого не замечать! Меня беспокоит закрытость их разработок, их клановость...

Татьяноха ерзал за столом, словно посаженный в крапиву: прокурора Вершилова размазали об асфальт, и надо было что-то сказать в его защиту. И он нашел что сказать:

– Если они трахаются с людьми, это еще ничего не значит! И пусть почитают за Бога какого-то дядю...

– Вот именно, – подтвердил Виноградов, почему-то покраснев. – Это их дело.

– У нас упала рождаемость! – крикнул Римов, однако никто его не услышал. В зале поднялся гвалт, каждый из присутствующих решил взять слово и заговорил о своем – о толерантности, о врагах общества, о федеральном правительстве, до которого далеко, а жить надо здесь... Потом перескочили на местный банк, который всемогущ, что ничего сделать нельзя, хотя попробовать надо – через референдум, чтобы окончательно выйти из состава федерации, сохранив независимость...

– Приехали! – удивился председатель правительства. – Еще немного, и нас повяжут! Вы отдадите себе отчет?!

– Если на то пошло – мы пропали! – опомнился Римов. – Повторяю, с этой конторой, которую теперь никто не выбирает... – он наугад махнул рукой и попал в ревкомовца Виноградова, – мы далеко пойдем! Они назначенцы! Искусственный интеллект и банк командуют ими!

– Они выборные! Такого не может быть! – ревел по-бычьему председатель Большов.

– Лев Давидович, вы ошибаетесь! – гудел Римов. – Они такие же выборные, как и наши суды! Воля народа – священна, каждый из нас – гражданин...

Не успел он закончить, как у него за спиной раздался шум – кто-то ломился в зал, но охрана не пускала.

– Что у вас там?! – спросил Большов.

– Представитель какой-то, – ответили от двери, – желает присутствовать...

– Пропустите, – велел прокурор Вершилов и выкатил глаза поверх очков.

Охрана у двери расступилась; к столу, сверкая глазами и часто дыша, подошел с папкой в руках темнлицый сморщенный господин невысокого роста.

– Кто вы такой? – спросил его прокурор.

– Деньгин. Василий Абрамович, – ответил тот, шмыгая носом. Затем вынул из папки бумажный лист и протянул Большову, тот прочитал и сморщил губы.

– Интересно...

Это была доверенность от лица общественной организации «Андрюхи за мир и безопасность во всем мире».

Прокурор молча следил за реакцией председателя правительства.

– Присаживайтесь... – разрешил Большов, а про себя подумал: «Тот еще хлюст... Дядя Вася...»

Не успел дядя Вася присесть, как дверь с треском распахнулась, в зал вошел молодой человек в зеленой пятнистой форме и заорал, потрясая бумажным конвертом над головой:

– Лев Давидович, что ж это такое?! – Он буквально захлебывался. – Для вас сообщение, а прокурорские не пускают!

– Что тебе, пятнистый ты мой? – спросил Большов.

– Лично для вас! Согласно инструкции! – воскликнул офицер. Он подошел к столу, подал Большову конверт и вытянулся по стойке смирно. В зале вдруг сделалось тихо.

Большов вынул из конверта бумагу, развернул и стал читать, темнея лицом. Затем протянул ее Виноградову, и, пока тот вникал в ее смысл, Лев Давидович цедил сквозь зубы:

– Что же это получается, уважаемые? Пожинаем плоды?

Виноградов тупо смотрел в бумагу. Молочное лицо пошло пятнами.

– Куда у нас смотрит Ревком? – продолжил председатель, забирая из рук Виноградова бумагу.

– Что-то серьезное? – обернулся к нему прокурор.

– Читайте... Можете вслух... – устало произнес Лев Давидович, кладя бумагу на стол.

Вершилов поправил очки, взял со стола бумагу и прочитал:

– «Город Симбирск... Председателю правительства Поволжской республики Большову Льву Давидовичу... Многоуважаемый Лев Давидович, центральный банк „Поволжье“ уведом-

ляет вас о прекращении финансирования социальных программ, призванных повысить деторождаемость. Основание – полное отсутствие финансовых средств на расчетных счетах...»

– Вот они, плоды современности! – воскликнул Большов. Он забрал из рук Вершилова лист и продолжил, потрясая им: – От этой поганой бумажки зависит теперь судьба принятых нами программ. Надеюсь, вы понимаете, о чем идет речь...

Присутствующие хмурились и молчали.

– Напомню! – продолжил Лев Давидович. – У нас упала рождаемость... До такой степени, что скоро некому будет служить ни в полиции, ни в милиции!

– Милицию сократили... – шепнул сбоку Вершилов.

– Туда ей и дорога! Я не об этом... Недостаточность финансовых средств... Я понял... Нас хотят загнать в угол, лишит полномочий... Куда смотрит служба безопасности?! Куда смотрит полиция?! Когда я пришел в правительство, вы обещали! Какой-то банк, которого я не видел в глаза, диктует мне условия, как я должен жить!..

Наоравшись вдоволь, Большов поднялся из-за стола, плюнул в пол и покинул зал заседаний в окружении своих заместителей.

Виноградов вдруг тоже решил, что дела не ждут. Сграбастав тощую папку со стола и сверкнув глазами в сторону прокурора, заспешил к выходу...

Буквально через полчаса он находился в кабинете Жердяя и, прыгая с пятого на десятое, доводил до шефа суть происшедшего. По его словам выходило, что правительство скоро окажется ниже плинтуса.

– Так уж и ниже?! – ощерился Жердяй. – Кто он такой, этот банк, хоть и центральный!..

– Мы пропали... Нас повесят на корявой осине.

– Успокойся...

– Или бросят в клетку с голодными обезьянами.

– Ты спятил...

– К диким, голодным, свирепым... Мы сами инициировали закон о наказаниях...

– К черту тебя! – Жердяй стукнул кулаком по столу, так что стакан из тонкого стекла подпрыгнул, упал на пол и раскололся на множество осколков.

Жердяй окаменел, тараща глаза и стараясь понять: то ли это судьба, то ли обычное совпадение – мало ли стаканов падает со стола.

– Короче, Большов недоволен... Куда, говорит, служба безопасности смотрит, – продолжил Виноградов.

Жердяй молчал.

– Что делать-то будем?

– Делать? – вздрогнул Жердяй. – Ничего пока делать не будем... Экономика – не наш профиль...

Глава 7

Паршивое учреждение

Верховное судебное присутствие располагалось в громадном сером здании на перекрестке улиц Железной Дивизии и Фридриха Энгельса. Председателем данного судебного органа был Шприц Игорь Альбертович – поджарый мужик лет пятидесяти, с продолговатым тусклым лицом, на котором помещался массивный нос.

Шприц не только руководил данным ведомством, но и рассматривал уголовные дела. Это были дела государственной важности, в рассмотрении которых Игорь Альбертович наловчился до такой степени, что не было такого дела, которое он не смог бы рассмотреть с первого раза. Он их щелкал как орехи, и в этом была непременно заслуга его сухопарости, поскольку, будь на его месте мужчина широкий, упитанный, то вряд ли дела в судебном ведомстве решались так стремительно.

Тем не менее, несмотря на проворство Шприца, к концу недели на рассмотрении у него образовалась из уголовных дел целая куча. От нее у председателя ныло под ложечкой и даже подскочило артериальное давление: надо было срочно от этой горы избавиться.

Он поднялся из-за стола, поправил на себе судебную мантию, взял в руки дело и направился в зал судебных заседаний. Впереди председателя, оглядываясь, шла секретарь. У входа в зал заседаний она остановилась. Шприц тем временем вильнул в боковую служебную дверь и лягнул изнутри защелкой. Секретарь вошла в зал, остановилась возле своего стола и произнесла высоким четким голосом:

– Прошу встать!

Прокурор, в темно-синем мундире со звездочками на черных петлицах, адвокат в мантии и угольчатой шляпе, а также подсудимый, отгороженный от зала решеткой, поднялись и замерли. Поднялись также и пожилые мужчина с женщиной.

Шприц, шурша мантией, вышел из боковой двери, поднялся ступенями к возвышению, велел садиться, раскрыл дело и принялся бормотать о том, что слушается дело такое-то, что председательствующий судья такой-то, при секретаре таком-то, по обвинению гражданина такого-то. Прокурором оказался Татьяна.

Дверь в этот момент отворилась, в зал тихо вошел судебный пристав-охранник и остановился у входа.

– Слушается уголовное дело о защите толерантности, – продолжил Шприц, косясь в сторону охранника. – Подсудимый, когда вы получили обвинительное заключение?

– Я его вообще не получал! – ответил подсудимый.

Шприц посмотрел в его сторону, потом в уголовное дело и снова сказал:

– В деле имеется ваша расписка о вручении вам обвинительного заключения. Вы знакомы с делом?

– Я отказался, потому что я не виновен...

«В таком случае – ты обычный дурак», – подумал Шприц, а вслух произнес:

– Понятно...

Метнув взглядом по залу, Игорь Альбертович только тут заметил на заднем ряду постороннюю пару.

– А вы кто такие? – спросил он, словно бы удивляясь.

– Мы-то?

– Ну, да-то.

– Я потерпевшая, а это свидетель, – сказала женщина ласковым голосом.

Выпроводив свидетеля в коридор, Шприц велел потерпевшей даме сесть на скамью в первый ряд и продолжил заседание.

В итоге получасового рассмотрения дела, в течение которого он выслушал показания потерпевшей, свидетеля обвинения, государственного обвинителя и, огласив материалы дела, объявил:

– Слово в прениях предоставляется государственному обвинителю Татьянохе Дмитрию Олеговичу.

Тот поднялся, взял в руки лист и принялся читать обвинительное заключение.

Из обвинения выходило, что Иван Иванович Иванов с утра ходит без штанов. Только так. И не иначе. Поскольку об этом говорят свидетель обвинения, потерпевшая, а также материалы дела.

Однако для вынесения обвинительного приговора этого было явно недостаточно, тем более что потерпевшая с подсудимым находилась не то что в неприязненных отношениях – они жили как кошка с собакой.

«Точно... – решил для себя Шприц. – Это и есть абсолютный юридический дурдом».

– Прошу определить для него наказание, – продолжил Татьяноха, – в виде трех лет лишения свободы с отбыванием на общехозяйственных работах в местах, определяемых органами, ведающими исполнением приговора...

«Ну, ты хватил!» – успел удивиться Шприц, глядя в сторону свидетеля, оставленного в зале после допроса: свидетель, до отказа разинув рот, с удовольствием зевал.

– Встать! – заревел Шприц, стуча колотушкой. – Я тебе говорю, свидетель!

Свидетель поднялся и стоял теперь, хлопая глазами под испепеляющим взглядом судьи.

– Пятнадцать суток! – воскликнул злорадно Шприц и снова стукнул колотушкой.

– Кому? – сморщился, удивляясь, свидетель. – За что?

– За неуважение к суду! – громко пояснил Шприц. – Я не обязан на гланды твои любоваться! Увести!

Судебный пристав, до того стоявший столбом, оживился, метнулся к свидетелю, и не успел тот сказать хоть слово, как на руках захрустели наручники.

– Моду взяли! – ворчал Шприц.

– У нас толерантность! – опомнился свидетель. – Свободное государство!

– Я тебе покажу свободу...

Проводив взглядом пристава с осужденным свидетелем, судья впал в задумчивость, глядя на поверхность стола и потирая пальцами лоб. Секретарь откинулась на спинку стула и глядела в потолок.

– Судебное заседание продолжается, – наконец объявил судья, и секретарь вновь прильнула к столу. – Слово для защиты предоставляется адвокату Козолупову Леопольду... За номером...

Шприц посмотрел в бумаги и произнес номер защитника. Тот поднялся из-за стола, гордо выпрямился и начал речь, не глядя в бумаги. На вид ему было лет восемьдесят, хотя в принципе возраст для подобной категории самозанятых деятелей не имел никакого значения. Хоть сто лет ему будь – особенно с электронной начинкой вместо обычного мозга.

Адвокат, огласив обвинительное заключение, углубился в так называемое материальное право – в суть статьи, по которой был привлечен к ответственности его подзащитный.

Шприцу это сразу же надоело, поскольку разъяснениями данных статей он был сыт по горло еще со студенчества. Другое дело, что подсудимый не виноват абсолютно. Допустим, прошелся голым разок... Перед малолетней дочерью, которая ему не родной приходится – и что с того? Сразу его надо в кутузку? Раствитель?! В то время как дело может быть совершенно в другом.

Робот-защитник тараторил как сорока, не вникая в существо дела. Это была общеустановленная практика: теперь считалось, что только робот способен удержать в себе кладезь юридической науки. Шприц, отвернувшись к окну, едва заметно качал головой. Затем зевнул, не скрываясь, потому что только он мог себе это позволить. Потом, давя зевоту, взял со стола пульт управления, направил его в сторону защитника, нажал кнопку и произнес:

– Ваше время истекло, уважаемый.

Защитник, не говоря ни слова, согласно кивнул и опустил за стол.

«Ну что за бараны эти защитники», – подумал Шприц, предоставляя последнее слово подсудимому.

Глава 8

Там чудеса

Машка с утра бродила по комнатам – то кресло передвинет, то столик журнальный, то поднимет с пола невидимую пылинку и отнесет в мусоросборник, а то вдруг вцепится в пылесос.

– Кажись, крыша поехала, – сказала Софья Степановна, сидя в столовой с Федором Ильичом. – Не узнать робота.

– У нее программа. Она не может измениться сама по себе.

– А скажи ей – опять засвистит: «У меня права! Наступают на горло!»

– Да уж...

– Слава богу, на дачу ей ходу нет...

Софья Степановна осеклась на полуслове, потому что послышались шаги; в столовую вошла Машка – с видом гордым и независимым.

– Что приготовить на обед? – спросила она, глядя как-то вбок, мимо Софьи Степановны.

– А сама ты чего хотела бы? – сдуру спросила Софья. И тут началось: Машка вылупила глаза и понесла ахинею типа какие же вы недалекие.

– Да будет вам известно, – говорила она, – что андроид может не есть неделями – была бы вода и воздух.

Софья Степановна молчала, поскольку каждое слово теперь могло обратиться против нее. Отведя душу, Машка вышла в коридор, где столкнулась с Кошкиным.

– Что у вас происходит? – Кошкин был хмур. – Неужели так сложно немного помолчать? Я же работаю... У меня заказ...

Машка, склонив голову, обошла его и спряталась в зале.

– Что у вас, мама? – спросил Кошкин, заглядывая в столовую.

– Что у нас? У нас ничего. Это у вас надо спросить.

Кошкин присел к столу и склонил голову, упершись локтями в колени.

– Никто не знает, что эта сволочь опять выкинет, – неожиданно произнес он.

– Я и говорю, – откликнулась мать. – Совсем с катушек съехала...

– Я не о ней... Я о Центральном банке... – уточнил Кошкин, а потом вдруг продолжил: – «Многоуважаемый Лев Давидович, Центральный банк уведомляет вас о прекращении финансирования социальных программ, призванных повысить рождаемость... Основание – полное отсутствие финансовых средств на Ваших счетах».

– Приплыли! – воскликнула Софья Степановна. – А ведь я говорила: Большов доведет нас до ручки своими прожеками – ему только волю дай... Он же не может ничего, кроме как плавать...

– Ходить, – поправил сын. – На кораблях ходят.

– Не важно! Его не для того поставили, потому что после его избрания мы, выходит, приплыли... А тебе откуда известно о прекращении финансирования?

– Не волнуйся, тебя это не затронет...

– Откуда известно?

– Не пропадем...

Он посмотрел в сторону Федора Ильича и спросил:

– Интересно, как у вас там устроено? Я имею в виду машину, о которой вы мне рассказывали... Нельзя ли на нее посмотреть?

– Это можно, – ответил Федор Ильич, на что Софья Степановна вдруг выкатила глаза:

– Мы же на дачу собрались! У нас там лужайка...

Начав с газона, она стала рассказывать о даче в целом – вплоть до того, где она расположена, о соседях, а также про воздух, которым бы только дышать человеку. Федор Ильич слушал ее внимательно. Воздух лесной, по его словам, был знаком ему больше всех. Этот воздух окружал его последнюю четверть века... Воздух, которым сыт не будешь.

– Пусть прогуляются с Катенькой, если охота, – прошептала Софья Степановна. – А мы на дачу...

Она знала, о чем говорила. Володеньке шел четвертый десяток, и его будущее представлялось туманным. С появлением в доме электронной служанки сын с головой ушел в работу: с утра – за компьютер, затем прогулка и сон. Любые разговоры о том, что жизнь не резиновая, что он может остаться один, не давали никаких результатов: сын отвечал, что он не один такой, что так живут теперь многие, а то, что население при этом редет, так это же даже лучше: меньше народа – больше кислорода.

Софья Степановна разводила руками, хлопала себя по ляжкам.

– Вот и возьми вас за рубль двадцать! – восклицала она, потом шла к иконе Николая Угодника и горячо молилась, прося вразумить неопытное дитя. И вот он случай – сын притащил к себе в дом постояльцев.

«Слава тебе, Господи, – обрадовалась мать, – сподобил наконец-то...»

А ближе к обеду Кошкин, Федор Ильич и Катенька, доставив Софью Степановну на дачу и взяв с нее честное слово, что она даже думать не будет о Машке, ехали заброшенным бетонным шоссе. Местами из дорожного полотна торчала ржавая арматура, зияли выбоины, но в целом, несмотря на грохот колес, по дороге можно было все-таки ехать. За рулем сидел Федор Ильич. Перед этим он вроде как собирался остаться с Софьей Степановной, но в последний момент передумал, вспомнив о трудностях предстоящей дороги.

Ехали они на машине какой-то старинной марки. Кошкин ни разу таких не видел: спереди лебедка, сзади – запасное колесо, под капотом рокотал дизельный двигатель, а на рулевом колесе значилось слово HANTER. Федор Ильич, как выяснилось, хранил машину на одной из городских парковок. Машине было лет сто. Она грохотала на кочках. Казалось, у нее совершенно отсутствуют амортизаторы.

– Охотник, – прочитал Кошкин надпись на руле.

– Он самый, – подтвердила Катя. – Главное, что он до сих пор едет...

Она сидела с Кошкиным на заднем сиденье и временами оглядывалась. Возможно, это была привычка, вызванная долгой жизнью в лесу. Дорога меж тем оставалась пустынной – только буйный кустарник рос по обочинам.

– Как ты думаешь, папа, мы успеем добраться засветло? – спросила Катенька.

Шендерович зябко повел плечами и промолчал: дорога резко сужалась, уходя вправо. Шоссе в этом месте оказалось перегорожено гудами бетонных шпал вперемешку с изогнутой арматурой, землей и валунами. Сбросив скорость почти до нуля, Федор Ильич съехал с дороги и стал пробираться по грунтовке.

Ревел мотор. Шумела в лужах вода. Кошкину начинало казаться, что они едут по кругу в одной и той же местности. Он никогда не бывал в подобных местах, и, если бы ему сказали: «Беги, родимый!» – он не выбрался бы отсюда никогда. Тем более что солнце спряталось, так что ориентира у него не было никакого.

– Вот и мы приплыли, – вздохнул Федор Ильич, останавливаясь. Впереди оказалась просторная лужа, за ней возвышался крутой косогор. – Два в одном называется. Так что сидеть и крепко держаться...

– Может, пешком? – спросила Катя.

– Я сказал – сидеть!

Федор Ильич включил передачу и тронулся с места, набирая скорость. Проскочив лужу, он ринулся на косогор без остановки, однако, не доехав до вершины, остановился. Машина скребла четырьмя колесами, оставаясь на месте.

– Теперь ступайте! – Федор Ильич вдавил педаль тормоза. – Видите пень наверху? Берете трос – и вперед. Но только не стойте потом вблизи.

Кошкин открыл дверь и, норовя скатиться вниз, первым выбрался из машины. Утвердился ногами на траве и, удерживая плечом непослушную дверь, протянул руки к Катеньке.

– Осторожно! – подсказал Федор Ильич. – А то улетишь под гору. Сначала ноги, а потом уж сама...

Но Катя сделала по-своему. Упираясь коленом в сиденье, она наступила другой ногой на порог и выпала навстречу Кошкину. Тот подхватил ее и поставил рядом с машиной.

– А теперь трос, Володенька!

Кошкин, ухватив Катеньку под локоть, помог ей подняться на косогор, затем спустился к машине и вновь поднялся вверх с концом троса в руке.

Обернув трос вокруг пня, они отошли в сторону. Федор Ильич включил лебедку. Трос натянулся. Машина, вращая колесами, стала медленно подниматься.

Забравшись на косогор, они продолжили путь, вилляя среди зарослей пихтового леса.

– Раньше-то мы по шоссе ездили, пока его бетонным хламом не завалили, – ворчал Федор Ильич. – Они решили, что этого будет достаточно... Слава богу, что так, а не иначе... Не замуровали живьем... Нет человека – нет проблем!

На лице у него выступили капли пота. Вынув из дверного кармана полотенце, он утерся и продолжил:

– Мы даже не догадывались, что это за система... Потом до меня дошло... Это система возмездия... Но чтобы вот так – не помню такого, чтобы забыть о целой системе... Вот это вот, – он хлопнул рукой по баранке, – оттуда же...

Он посмотрел на ручные часы:

– Однако долго мы едем...

Лес между тем начал редеть, колея пошла под уклон. Внизу, поперек пути, возвышалось шоссе, ведущее к тоннелю у подошвы горы. Поднявшись на шоссе, они повернули налево и въехали в темный овал тоннеля. Грохот двигателя и шум колес слились в единый рев. Вскоре тоннель повернул и уперся в глухие ворота.

Федор Ильич выключил двигатель, вышел из машины и направился к воротам – на стене возле них виднелось подобие кнопочного выключателя. Он нажал одну из кнопок, потом еще несколько раз, но ворота не двигались.

– Отключилась, зараза! – Федор Ильич посмотрел себе под ноги. Найдя, что искал, наклонился и поднял с пола. Это оказался стальной прут. – Вот и ключик наш...

Федор Ильич вставил его в отверстие на двери, уцепил им что-то изнутри и с силой потянул на себя. Потом махнул рукой пассажирам. Те вылезли из машины.

– А теперь взялись! За этот вот уголок!

Он первым уцепился за подобие ручки. Ворота с трудом пошли к противоположному косяку. За воротами виднелось продолжение тоннеля.

– Так-то вот... По-другому у нас не умели...

Федор Ильич вернулся к машине. Миновав ворота, он снова выключил двигатель, выбрался наружу. Втроем они задвинули створку, придвинули отошедший при открытии рычаг, совместили с проушиной на воротах.

– Так и живем...

Подняв с пола шкворень с кольцом, Федор Ильич вставил его в отверстие.

– Так-то вот... Без шкворня нам хоть плачь.

Однако на этом он не успокоился. Рядом с воротами на стене висел небольшой шкаф со стеклянным оконцем и отходящими от него проводами. Федор Ильич подошел к нему и стукнул с размаху в дверцу. Стекло в шкафчике озарилось светом, и Кошкину показалось, что внутри что-то замкнуло. Удар в дверцу мог привести к аварии. Из шкафа донесся женский голос:

– Кто ты такой?! Назовись!

– Гвардейская воинская часть! – отчетливо произнес Федор Ильич, назвав также номер части, и добавил, помедлив: – Майор Шендерович! По кличке Пульсар!

– Чё те надо? В рожу опять захотел? – донеслось из шкафа.

– А ты в том же духе... Спишь опять? – Шендерович усмехнулся. – Ну, извини, что разбудили...

– Пульсар, я не в духе сегодня, – продолжила дама и стала декламировать, заикаясь: – Молодость моя... Иль ты приснилась мне... Или я весенней гулкой ранью... – И вдруг заявила, что ей надо всего один киловатт – дополнительно...

– Чего?! – удивился Пульсар.

– Серо-буро-малиновый с продрысью... Тайна века... Кто заплатил Ленину? Ась?

– Это не человек, это Машина, – сказал Федор Ильич. – Короче, метет пургу... Поехали...

Авто утробно хрюкнуло и понесло их тоннелем.

«Куда еду? Зачем? – удивляясь, думал Кошкин. – Кто эти люди?.. И кто в таком случае этот Пульсар по фамилии Шендерович?»

Измучаться было чему. Недавно он даже не думал, что поедет в какой-нибудь лес, в подземелье, а фактически – к черту на рога. Пусть так... Зато поступил, как велит сердце, даже если Катя и Пульсар-Шендерович окажутся не теми, за кого себя выдают... Зато будет проверено предчувствие...

За эти несколько дней Кошкин вдруг обнаружил, что мать у него была абсолютно права. Не в части его работы, а в части того, что жить так больше нельзя. Он увидел себя снаружи и ужаснулся. Он вступил в отношения с электронной служанкой – не с проституткой, естественно! – но с сущностью, отношения с которой ведут в тупик...

«А Машеньку все-таки жаль, – поймал он себя на мысли, – потому что она от меня ничего не скрывала и всегда понимала... Интересно, поймет ли Катенька?»

Они ехали темным тоннелем, далеко впереди маячил свет – то ли это была поляна, ослепленная прожектором, то ли помещение. Машина выскочила из тоннеля и остановилась в помещении без углов, размером с приличный спортивный зал. Вместо потолка высоко над головой располагался бетонный купол с отверстием посередине. От пола сквозь купол поднималась толстая зеленая колонна. Скорее всего, это была крашеная труба, вокруг которой находились у основания шкафы с закрытыми дверцами. На стенах и под потолком висели длинные лампы, испуская стальной безжизненный свет. Вдоль противоположной от тоннеля стороны виднелись перила, ведущие вниз.

Шендерович подошел к одному из шкафов, распахнул дверцу и уставился внутрь. В шкафу располагались приборы, с цифрами и стрелками, вращались круги размером с приличную сковороду, торчали провода в металлической оплетке.

– Киловатты тебе нужны... – проворчал Шендерович. – Дадим киловатты...

Он щелкнул тумблером. Свет в лампах дрогнул, и шкаф заворчал под нагрузкой.

– Я ж тебе специально убавил, – продолжил он. – Ты же у нас беспомощная в этом деле...

Закрыв шкаф, он прислушался: со стороны колонны теперь доносилось отчетливое гудение.

– Что это, Федор Ильич? – спросил Кошкин.

Но вместо ответа Шендерович лишь крикнул:

– Время!

Он первым бросился к автомашине и запустил двигатель. Катенька с Кошкиным едва успевали за ним. Машина метнулась к перилам и пошла вдоль стены. Она ехала кругами, опускаясь под землю, пока не оказалась в помещении с овальными высокими стенами и все той же колонной с утолщением по окружности в виде громадной бочки.

От вращений по кругу Кошкина едва не вырвало, но он справился с тошнотой, выбрался из машины и, держась за дверцу, оглядел помещение. Внутри «бочки», опоясывающей колонну, вела овальная дверь с рукоятью в виде штурвала. В стороне от двери стояла белая будка с окном и стеклянной дверью – за ней виднелся монитор и черная клавиатура.

Кошкин не допускал даже мысли о существовании машины. Для ее строительства не хватило бы никаких денег. Другое дело – египетские пирамиды, которые, как выяснилось, соорудили пришельцы из созвездия Орион. И если бы ему раньше сказали, что где-то подобное существует, – он посчитал бы это за бред.

– Броня... – произнес Шендерович, цепляясь руками за штурвал и глядя вверх колонны. – Выдерживает прямое попадание термоядерной бомбы... Хотя, если разобраться, теперь это никого не волнует.

Штурвал, однако, не хотел вращаться. Федор Ильич пытался сдвинуть его с места, тряся бородой и краснея от напряжения. Катенька бросилась помогать, но отец остановил ее, отошел на шаг от двери.

– Дело в другом...

– Опять не в духе?

– Кураж – святое дело.

Он шагнул в будку, включил компьютер и стоя стал тыкать пальцем в клавиатуру.

– Молодость моя... – раздался голос. – Серо-буро-малиновый с продристью...

– Заклинило, – сказал Шендерович, зависнув над клавиатурой. – Даже не знаю, что можно предпринять.

– Теперь там дядя Вася, – неожиданно выдала Машина.

– Ты его знаешь? – встрепенулся Федор Ильич. – Что за лох?

– Он не лох, – покровительственно сказала Машина.

– И все же?

– Он вел тухлые разговоры об искусственном разуме. «Это лучшее из того, что может придумать человек», – говорил он. Бушлатик на нем потертый такой, черненький... Лентами пулеметными опоясанный...

– У тебя глюки, вехотка ты старая! – воскликнул Федор Ильич. – Ты поразъехалась!

– Ты о чем, Шендерович? Я не понимаю тебя... Вехотка... В смысле – мочалка?

– Ничего! Будем кувалдой дверь открывать! – рявкнул Шендерович.

– Сразу грозить... Пошутить нельзя бедной старушке... Входите...

Штурвал на входе в «бочку» крутнулся, и дверь слегка отворилась.

– Ты грубый, Пульсар... – сказала Машина и продолжила: – Там чудеса, там леший бродит, русалка на ветвях сидит... Избушка там на курьих ножках, стоит без окон без дверей... Я вас люблю, но чувство мое безответно...

– Мы тебя тоже любим, – сказала Катя. – Мы тебе говорили об этом.

– А я сомневаюсь! – воскликнула Машина.

– Мы с тобой, дорогая ты наша.

Отворив дверь, они вошли в освещенное помещение. Внутри находилась колонна, которую как раз и обхватывала «бочка», образуя замкнутый, в виде кольца, коридор. На стенах располагались многочисленные приборы. Пол в помещении был выложен светлым кафелем.

Кошкин вошел последним. И замер в тоскливой истоме: дверь ожила у него за спиной – очень слабо, почти бесшумно. Кошкин сразу же оглянулся, но сделать ничего не успел: дверь

затворилась, щелкнула замками. Штурвал, вращаясь, запечатал их внутри помещения. У Кошкина шевельнулись волосы. В бочке мог закончиться воздух...

– Вот и попались! – воскликнула Машина. – А то смотрю – втроем припорол! – И, понизив голос: – Ходят, бродят, комиссии создают... А то невдомек, что эти комиссии – как мертвому припарки: парить можно, но результат нулевой.

– Ты что удумала?! – закричал Шендерович.

Но Машина его не слушала.

– Никчемные люди... – ворчала она. – У вас одно на уме... Или два... Пожрать и потрахать... С роботом...

Кошкин смотрел по стенам, удивляясь непонятым приборам.

«Уважаемая Машина! – хотелось ему крикнуть. – Я не такой! Ты меня с кем-то спутала!» – но язык словно присох к горлу. Кошкин бросился к двери, ухватился за штурвал, затем за рычаги, но эти попытки не стоили затраченных сил: дверь была монолитна, как скала. Федор Ильич с Катенькой попытались ему помочь, но все было бесполезно.

Шендерович уперся руками в дверь.

– Успокоиться, не потеть. Еще не все потеряно...

Он шагнул вдоль стены, следуя указателю в виде красной стрелы. Казалось, ему был известен способ освобождения из железных бочек. Катенька с Кошкиным двинулись следом. Зайдя за колонну, Кошкин был вновь поражен, причем не менее, чем если бы впереди образовалась вторая дверь: задом к ним, возвышаясь над массивным столом, сидела в кресле моложавая дама с белыми волосами. Тетенька была в белой рубашке с галстуком и при погонах полковника. Не моргая, она смотрела в монитор – в нем обозначился пустой тоннель, далекая дорога, заваленная строительным мусором, а также ЛЭП с обрывками проводов.

– С прибытием, – сказала дама сухим голосом. Скрипя шеей, она повернула к ним голову. – Я давно вас поджидала. Присаживайтесь.

Федор Ильич принялся вдруг канючить:

– Мы так не договаривались! Как это понимать?! Мы люди, мы же не роботы...

– Прошу садиться, майор Шендерович! – повысила голос дама. – Нам есть о чем поговорить, но в целях экономии мы сделаем это...

Она придвинула к себе клавиатуру, щелкнула кнопкой, и в бункере наступила кромешная тьма – не светились даже приборы.

Дама за столом молчала. Катенька прижалась к Кошкину, обняла его и шмыгала носом.

– Вот это номер, – произнес в темноте Федор Ильич. – У нас даже фонарика нет.

Кошкин достал из кармана телефон, нажал кнопку: перед ними, блестя мертвыми глазами, в той же позе сидела дама-полковник, виднелись приборы, а на столе сиротливо лежала клавиатура.

– Назад, к выходу, – приказал Шендерович и, выставив впереди себя руки, в полутьме кинулся в обратную сторону. «Энергия отключена, – лелеял он мысль, – следовательно, запоры должны отойти...»

У входа он вцепился в штурвал, стараясь сдвинуть его с места, однако ощутил лишь тяжелую неподвижность металла. И прохрипел осипшим голосом:

– Надо вместе попробовать...

Сбившись в кучу возле двери, они ухватились за штурвал, пытаясь повернуть его хоть чуть-чуть – из последних сил, до тошноты, до яркой россыпи в глазах. И вскоре поняли, что с дверью им не справиться. Никогда.

Глава 9

Существо долгоногое

Жердяй, раскинув под столом долговязые ноги и уставившись в монитор, читал постановление правительства. В документе значилось, что финансовые дела Поволжской республики оставляли желать лучшего. Данное обстоятельство, судя по всему, не зависело от правительства, поскольку явилось результатом внезапного действия темных сил, о природе которых до сих пор неизвестно. Именно эти подпольные силы привели к обострению экономической ситуации: над республикой висит карающий меч, и карать будут за что угодно. В том числе за то, в чем она не виновата, потому что денег не предвидится, а народу нечего кушать. В связи с данным обстоятельством Главной прокуратуре надлежало неукоснительно, во взаимодействии с органами государственной безопасности и МВД, надзирать за соблюдением законности, уделяя особое внимание соблюдению Конституции, а также законов «О защите толерантности» и «О защите искусственного интеллекта».

Именно так. Начали с сокращения социальных программ, урезанных банком, а через два дня заявили о действиях непонятных сил.

«Впрочем, – подумал Жердяй, – темные силы – это ведь наша компетенция...»

Анатолий Ефремович был обязан их знать и вовремя обезвреживать – на то у него особые полномочия.

Когда-то очень давно – в то время маленький Толик еще ходил в детский садик, организаторы Поволжской республики решили, что никаких ведомственных инструкций быть не должно – только Его Величество Закон должен действовать. С тех пор приняли законов целый ворох, но самыми интересными были два последних. Они оказались с двойным дном. Они развязали Жердю руки...

Детство Жердя совпало со временем, когда Федерация была еще в силе. Но многим хотелось большего. По улицам шатался народ с флагами и транспарантами, орал мужики в мегафоны. Мужикам помогали тетки в красных косынках и коротеньких синих юбках колокольчиком, едва прикрывающих зад. Интересное было время. Жердяй вместе с другими такими же носился дворами вдоль улиц, откликаясь на хлесткое слово Жердяй. А приходя домой, жаловался деду – Жердяй да Жердяй. Какой он им Жердяй!

Дед, высокий тощий мужик, просвещал несмышлениша. Слово «Жердяй» произошло от слова «жердь». Значит – предлинный такой и претоненький, шатается ночью по улицам, заглядывает в окна, греет руки в трубе, пугает людей. Это какой-то шатун был когда-то. Его осудили навек слоняться по свету без толку и должности.

– Так его же надо бояться! – хлопал глазами Толька. – Он же страшный какой!

– А ты правильно заметил, что страшный, – радовался дед, – пусть бояться. А ты этим пользуйся. Ты вырастешь и будешь выше меня... Верста коломенская...

В дверь кабинета постучали, и воспоминания сдуло.

– Разрешите войти, Анатолий Ефремович? – раздалось в кабинете.

Однако дверь кабинета осталась закрытой. Это говорил Виноградов Сан Саныч, заметитель Жердя по защите прав инакомыслящих. Белокурый неврастеник. Нос горбинкой... Внешне образован, а внутри полный кретин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.